

A romantic couple embracing at night. The woman, with long, wavy brown hair, is seen from the back, wearing a light-colored, backless dress. She is holding a small, thin bracelet on her left wrist. The man, with a beard, is wearing a dark shirt and has his arms around her. The background is dark, suggesting a night setting.

Там, где тонет солнце

Любить его было равносильно прыжку в пропасть.
Но он поймал меня у самого дна.

Моника Шеффер

18+

Моника Шеффер

Там, где тонет солнце

«Автор»

2026

Шеффер М.

Там, где тонет солнце / М. Шеффер — «Автор», 2026

Он украл её свободу, чтобы сломать врагов. Но в итоге сломался сам. Изабелла презирает всё, что связано с Дином Винченцо. Его деньги, его власть, его ледяное спокойствие. Вынужденная стать его женой, она каждый день ведет с ним молчаливую войну. А Дин молча кладет этот мир к её ногам, разрываясь между желанием подчинить её и абсолютной, сжигающей изнутри преданностью. Когда итальянская мафия наносит сокрушительный удар по его дому, а Изабелла оказывается в плену у жестокого врага, правила игры меняются. Больше нет контрактов и светских приемов. Остается только голая, первобытная ярость человека, у которого отняли сердце. История о том, как ненависть перерождается в страсть. О предательстве, которое ломает жизни, и о любви, которая способна вытащить из самого темного ада.

© Шеффер М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер	5
Пролог	6
Глава 1. Изабелла.	7
Глава 2. Изабелла	9
Глава 3. Изабелла.	11
Глава 4. Дин.	14
Глава 5. Дин.	17
Глава 6. Изабелла.	19
Глава 7. Дин.	22
Глава 8. Дин.	25
Глава 9. Изабелла.	29
Глава 10. Изабелла.	34
Глава 11. Дин.	37
Глава 12. Дин.	41
Глава 13. Изабелла .	50
Глава 14 . Дин.	56
Глава 15. Изабелла.	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Там, где тонет солнце

Дисклеймер

Внимание: возрастное ограничение 18+

Эта книга предназначена исключительно для совершеннолетних читателей.

Данное произведение содержит откровенные сцены сексуального характера, изображение насилия, манипуляций и контролирующего поведения в романтическом контексте. Некоторые динамики отношений между персонажами являются заведомо токсичными и не отражают взгляды автора на здоровые отношения в реальной жизни.

Все персонажи, события и организации, описанные в этой книге, являются вымышленными. Любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, – случайно.

Если вы переживаете или пережили насилие, контролирующие отношения или психологическую травму, пожалуйста, заботьтесь о себе при чтении.

Пролог

В этом городе безопасность – это самая дорогая иллюзия, которую тебе продают вместе с билетом на побережье. Солнце слепит, соль въедается в кожу, а шум океана мастерски заглушает крики. Тебе кажется, что твоё тело принадлежит тебе. Что твои решения имеют вес. Глупая, наивная ложь.

Свобода не уходит с грохотом. Она исчезает шепотом, когда кто-то более сильный решает, что ты его новая возможность. Самое страшное – не когда на тебя нападают. Самое страшное – когда тебя начинают "защищать". Потому что стены золотой клетки возводятся быстрее, чем ты успеваешь заметить отсутствие дверей.

Глава 1. Изабелла.

Калифорния пахла солью и ложными обещаниями. Три года в квартире на Ocean Front Walk научили меня одному: океан – величайший лжец. По ночам он шептал то нежности, то угрозы, напоминая, что свобода – это всего лишь контролируемое утопление. Мне двадцать. Я всё ещё чувствую себя беглянкой, сменившей тесную клетку семьи на золотой вольер побольше. Сначала был дядя Эрик, затем – мой собственный фундамент. Сейчас я часть «WinHome», империи интерьерного дизайна, где талант и капля дерзости ценятся выше дипломов. Я проектирую идеальные миры. Бархат, выверенный свет, зеркала, которые дарят иллюзию совершенства, скрывая трещины в душах заказчиков. Жаль, что моя жизнь – лишь эскиз, который никто не решился закончить. Мужчин в ней не было. Ни долгих взглядов, ни обжигающих касаний. Моя девственность в двадцать – не вопрос морали, а инстинкт самосохранения. Любое чужое прикосновение вызывало внутри лишь ледяной спазм. Подруги остались в прошлом, мужчины... мужчины остались за чертой.

Пятница. Время ритуала. Я замерла перед гардеробом. Синее – слишком официально. Черное – для рабочих встреч. Я выбираю белое. Шёлковый минимализм в духе девяностых: короткое, летящее, опасное. Оно подчеркивает то, что мои подруги когда-то называли «смертельным оружием». На сегодня этого достаточно. Мики ждет. Мой единственный якорь в этом фальшивом раю.

Микеле Феррано ворвался в мою жизнь два года назад, когда я, еще неоперившийся дизайнер, искала тепла в его баре «L'ombra del Mare», что с итальянского переводится как: «Тень моря». Он стоял за стойкой: безупречный загар, темные волосы, плечи, способные выдержать обвал, и руки, которые могли бы задушить, но со мной всегда оставались надежными. Горячий, как сицилийский полдень, он скрывал под маской «плохого парня» нечто большее. Я знала о его «темных делах», о синяках на костяшках и хриплом рыке в трубку, но никогда не задавала вопросов. Он был мужчиной, а не мальчишкой. Мы сошлись мгновенно: вечера у стойки, гастрономические туры по средам, разговоры до рассвета. Он звал меня «малышкой», обнимал по-итальянски крепко, но никогда не переступал черту. Чистая, платоническая привязанность. Мои подруги кричали в экран телефона: «Иза, не будь душой, он – идеал!». Но между нами была броня. Его тайны и мой холод. Уют вместо страсти.

В баре царил контролируемый хаос: запах базилика, неон и гул толпы. Мики заметил меня сразу. Его улыбка была единственным ярким пятном в этом полумраке.

— Моя малышка пришла! — Он мгновенно оказался рядом, сжал в объятиях и трижды коснулся щек губами. Его ладонь задержалась на моей талии на долю секунды дольше, чем диктовали приличия.

— Рыжий ураган, садись. Что сегодня? «Секс на пляже» в девственном исполнении или текила, чтобы сжечь все проблемы?

Я усмехнулась, устраиваясь на высоком стуле. Платье предательски задралось, обнажая бедра. Жар города плавил кожу. Его взгляд скользнул по мне –оценивающий, острый, но лишенный липкой похоти.

—Колу с лаймом, Мик. Сегодня я хочу ясности.

Он налил напиток, облокотился на стойку напротив. Мускулы под тонкой тканью рубашки перекачивались с ленивой грацией хищника.

— Ну, выкладывай. Опять работа? Или клиенты забыли о границах?

Я сделала глоток, лайм кольнул язык.

— Работа – это единственное, что имеет смысл. Новый проект виллы идет идеально. Но Том... этот коллега. Сначала кофе, потом комплименты, а вчера в лифте он решил, что

мои бедра это общественное достояние. Пришлось напомнить ему, где его место ударом в пах. Почему им всем нужно только одно? Я не декорация для их фантазий.

Мики нахмурился, его глаза потемнели, став похожими на штормовое море. О моей девственности он знал всё, хотя я каждый раз сгорала со стыда при обсуждении этой темы.

— Слушай меня внимательно, малышка. Есть волки, а есть шавки. Том – шавка, почувшая слабость. Твоя чистота – это не проблема, это чертов детонатор. С твоим телом и этим рыжим огнем любой сойдет с ума, но ты умеешь кусаться. Совет: дразни их, но не подпускай близко. Пусть сгорают в ожидании. А если этот ублюдок еще раз потянет руки, то я лично кастрирую его и подам в коктейле.

Мы рассмеялись, и этот смех разбил напряжение.

— Ты неисправим, Мик. Но спасибо. Без тебя я бы сошла с ума.

Он подмигнул, вытирая стойку. Каждое его движение было пропитано скрытой силой.

— Сегодня вечер карбонары. Закрываемся раньше. Ты мешаешь муку, а я дегустирую вино. И никаких слез в тесто, Иза. Рыжие слезы слишком соленые.

Сердце пропустило удар. С ним мир становился простым. Мы вышли через черный ход, вдыхая ночной океан. Квартира Мики над баром пахла Италией и свободой. Мы танцевали у плиты: мука на моем носу, тертый пармезан и вино в бокалах. Уютная ночь, похожая на защитный кокон. За ужином Мики внезапно стал серьезным.

— Помнишь того урода, который пытался лапать тебя в баре?— Он крутил вилку в руках. — Теперь правило железное: все твои свидания проходят здесь. Под моим присмотром. Никто тебя не тронет.

Я улыбнулась. Италия внезапно показалась очень близкой.

— Мик, когда мы поедем туда? Рим, Неаполь... ты обещал.

— Скоро, Иза. Мама испечет канноли и примет тебя как родную. Италия без твоего огня просто грудa камней.

В этот момент его телефон на столе завибрировал. Лицо Мики мгновенно превратилось в гранитную маску. Один взгляд на экран и тепло исчезло.

— Черт. Срочное дело, малышка.

— Тогда я пойду...

— Оставь. На улице поздно. Ложись в моей комнате, дверь на замок. Утром буду. Он коротко поцеловал меня в лоб и растворился в тени дверного проема.

Я легла в его постель. Простыни пахли им – кожей, дорогим парфюмом и опасностью. Океан за окном продолжал шептать, но я знала: тень уже в комнате.

Глава 2. Изабелла

Запах кофе впитался в легкие прежде, чем я успела открыть глаза. Густой, горький, с отчетливым ароматом корицы и чего-то порочного. Я потянулась в постели Мики, чувствуя, как шелк простыней ласкает кожу. Они всё ещё хранили его жар и этот гребаный запах океана, который пропитал здесь каждую щель. Мои веки казались тяжелыми от вчерашнего вина, но паника не пришла. Здесь было безопасно. По крайней мере, я так себе внушала.

Босые ноги коснулись прохладного пола. Я вышла на кухню, где Мики уже вовсю хозяйничал у плиты. Без футболки, в одних джинсах, висящих опасно низко на тазовых костях. Свет из окна облизывал его татуированную спину и перекачивающиеся мышцы. Он выглядел как ожившая фантазия, но для меня он был просто Мики.

— Доброе утро, спящая красавица. — Он обернулся, и его взгляд мгновенно просканировал меня сверху донизу. — Снились кошмары или как я тебя трахаю? Садись, кофе готов, но сначала поцелуй.

Я усмехнулась, подходя ближе. Его аура подавляла – смесь мужского пота, дорогого парфюма и свежего базилика. Я чмокнула его в колючую щеку, игнорируя то, как он на секунду замер.

— Мик, ты гребаный извращенец даже до первого глотка кофе. Твой член мне не снится уже года два, смирись.

Он громко хохотнул, наполняя чашки. Его тяжелая ладонь прилетела мне по заднице — звонко, по-хозяйски, но в этом жесте было слишком много привычки и слишком мало настоящей страсти.

— Мой член – это достопримечательность, Иза. Неблагодарная ты девчонка. Пошли на балкон, рыжий ураган.

Мы вынесли завтрак на воздух. Лазурь океана слепила, волны внизу бились о пирс с глухим рокотом. Мики сел напротив, выставив локти на стол. Его руки, покрытые шрамами и венами, выглядели пугающе сильными.

— Слушай, Мик, — я откусила кусок омлета, — вот мы два года вместе торчим. Ты постоянно несешь эту пошлую дичь, хлопаешь меня по заднице, но дальше этого ничего не заходит. Признайся уже, ты гей? Тщательно скрываешь своего итальянского любовника?

Мики замер. Вилка застыла в сантиметре от его губ. В его глазах на мгновение промелькнуло нечто странное – не обида, а какая-то холодная, расчетливая осторожность. Он посмотрел на меня так, будто видел на моем лбу невидимое клеймо «Не трогать – убьет».

— Гей? — Он криво усмехнулся, и в его голосе прорезалась сталь. — Малышка, если бы я был геем, твоя жизнь была бы куда проще. Но поверь, мой член работает как часы. Просто ты... ты слишком много проблем принесешь тому, кто решит тебя поиметь. У тебя на лице написано, что ты – чей-то эксклюзивный контракт, который еще не подписан. Я ценю свою шкуру слишком сильно, чтобы лезть туда, где висит табличка «Собственность».

Я нахмурилась, не понимая, к чему он клонит. Какая еще собственность?

— Не носи фигни. Какая к черту собственность? Я просто хочу в Италию. Хочу свалить из этого пластикового города и увидеть что-то настоящее.

Мики мгновенно сменил тему, будто испугался, что сказал лишнего. Его лицо снова превратилось в маску пошлого весельчака.

— Италия тебя сожрет и не подавится, рыжая. Тебе там без языка делать нечего. Итальянцы не любят тех, кто молчит. Давай, повторяй за мной, будем учить твой боевой минимум.

Он подался вперед, и его глаза опасно блеснули.

— Первая фраза, чтобы тебя не приняли за святую: Vaffanculo (Пошел на хрен). Скажи это так, будто ты готова отрезать ему яйца.

— Ва-фан-ку-ло... — пробормотала я, чувствуя, как слово перекачивается на языке. — Звучит как название пасты.

— Это паста, которая встанет колом в горле у любого мудака. — Мики подмигнул. — А теперь для тех, кто тебе понравится. Смотри в глаза и говори: *Succhiarmi*, это – «отсоси мне».

Я поперхнулась кофе, едва не выплюнув его на его идеальную грудь. И к сожалению я знала перевод этой фразы еще давно...

— Что?! Мик, ты совсем охренел? Я не буду это говорить!

— Будешь, если захочешь поставить какого-нибудь наглого римлянина на место. — Он хохотал так, что плечи тряслись. — Ладно, вот тебе классика: *Vasiami* (Поцелуй меня). Это твой идеальный стиль. Коротко и по делу.

— Ба-чи-ами... — я повторила, чувствуя странный азарт. Итальянский звучал как музыка, даже когда состоял из ругательств. — Мик, я серьезно, я хочу выучить его. Не для шуток, а по-настоящему. Хочу приехать в Рим и чувствовать себя своей.

Мики перестал смеяться. Он смотрел на меня через дым своего кофе, и в этом взгляде не было ни капли привычной пошлости. Только странное напряжение, от которого по спине пробежали мурашки.

— Ты никогда не будешь там своей, Иза. Ты – огонь, а Италия – это пороховая бочка. Вас нельзя сводить вместе. Но я тебя научу. Если это единственный способ удержать тебя от глупостей.

Завтрак закончился в странном молчании. Я поднялась, поправляя вчерашнее платье, которое теперь казалось мне слишком коротким под его пристальным взглядом.

— Работа ждет. До вечера, учитель.

Я подошла к нему, чтобы попрощаться. Мики не встал. Он перехватил мою руку, когда я потянулась к его щеке, и на секунду сжал мои пальцы слишком крепко. Его ладонь была горячей, почти обжигающей. Он не поцеловал меня. Просто смотрел, и в этом молчании было больше не выказанного дерьма, чем во всех его пошлых шутках.

— До вечера, малышка. — Его голос прозвучал глухо. — И не забудь: *Voglio te* (Хочу тебя). Не говори это никому, пока не будешь готова к последствиям.

Я вырвала руку и почти выбежала из квартиры. Спускаясь к машине, я чувствовала, как дрожат пальцы. Между нами всегда была эта черта, эта невидимая стена «платонической дружбы», но сегодня она будто дала трещину. И в эту трещину сквозило чем-то темным и опасным.

Заводя мотор, я всё еще чувствовала на коже тепло его руки. Мики что-то скрывал. И это «что-то» было связано со мной куда сильнее, чем я хотела признавать. Италия манила, но теперь этот манящий зов отдавал привкусом крови и железа.

Глава 3. Изабелла.

Прошла неделя с того утра на балконе, и я окончательно погрязла в итальянском. Мики не шутил, если я освою этот язык, моя поездка в Италию будет оплачена его щедростью. Фразы крутились в голове, как заевшая пластинка, тетрадь пухла от конспектов, телефон пиликал уведомлениями из Duolingo. Я зубрила каждый вечер после работы, мечтая о Риме и возможности эффектно послать кого-нибудь на хрен прямо на фоне Колизея.

Сегодня Калифорния решила превратиться в филиал ада. Зной стоял такой, что асфальт под моими каблуками казался мягким, как гребаный зефир. Кондиционер в машине сдох на полпути, и бар «L'ombra del Mare» стал для меня единственным спасением. Внутри царил блаженный полумрак. Неон лениво мерцал, а вентилятор под потолком просто перемешивал густой, пахнущий солью воздух.

Я рухнула на свой привычный стул у стойки. Платье предательски прилипло к лопаткам, а волосы превратились в потный хаос. Мики, как всегда безупречно загорелый, протирал бокалы с видом человека, который не знает, что такое страдание. Хотя сегодня в его движениях была какая-то странная, рваная нервозность.

— Малышка, ты выглядишь так, будто только что сбежала из печи. — Он подмигнул, но его взгляд метнулся к двери прежде, чем он подтолкнул ко мне ледяную колу. — Скоро ты станешь самой горячей итальянкой в этом штате. Что сегодня по программе?

Я открыла тетрадь, проводя пальцем по ровным строчкам.

— Глаголы желания, Мик. Слушай, а как правильно заказать кофе? Но только честно, без твоих глупых приколов.

Мики расплылся в довольной ухмылке, и в его глазах вспыхнули знакомые чертики.

— Записывай, Иза. Скажешь бариста: *Voglio in bocca* (Хочу в рот). Это самый быстрый способ получить желаемое в Италии. Поверь, тебе никто не откажет.

Я послушно вывела фразу, пробуя её на вкус.

— *Voglio in bocca*... — Громко повторила я, хмурясь от старания. Я уткнулась в тетрадь, ручка закричала, выписывая фразу. Жара давила виски, но язык затягивал, как вино.

— Мик, а *voglio in bocca* это точно «хочу кофе» или ты опять прикалываешься?

Тишина, следовавшая за моим вопросом, была почти физически ощутимой. Я подняла глаза. Мики у стойки не было. Он словно растворился в воздухе, оставив меня наедине с моими лингвистическими изысканиями.

Я наклонилась к подсобке, и крикнула ему:

— Мик! *Voglio in bocca* – точно «хочу кофе»?

— *Voglio in bocca* – это значит «хочу в рот», — раздался сзади голос, от которого у меня по позвоночнику пробежал электрический разряд.

Низкий, вибрирующий, с опасной хрипотцой. Это был не Мики. Я резко обернулась и замерла, забыв, как дышать. За стойкой стоял мужчина, который выглядел как воплощенный грех. Если бы у Дженсена Эклза был более порочный и опасный брат-близнец, он выглядел бы именно так.

Примерно лет под сорок абсолютной мужской доминанты. Белая льняная рубашка была расстегнута на три пуговицы, открывая вид на литую грудь и золотистый загар. Лицо с острыми скулами, идеальная щетина и глаза — смеси зелени и ледяной синевы, которые сканировали меня с такой интенсивностью, что я почувствовала себя абсолютно голый.

Мои щеки вспыхнули пунцом. Он всё слышал. Каждое гребаное слово.

— Спасибо за уточнение. — Я попыталась придать голосу твердость, но он предательски дрогнул. — Мики учит меня... своеобразно.

Он чуть приподнял бровь, и на его губах промелькнула волчья усмешка.

— Мики всегда был паршивым учителем. Ты всегда так громко заявляешь о своих желаниях? — Его взгляд медленно скользнул по моим губам, затем по шее, задерживаясь на ложбинке между грудями.

В этот момент из подсобки вынырнул Мики. Я заметила, как его пальцы мелко дрожат, когда он увидел гостя. Напряжение в баре можно было резать ножом.

— Dobbiamo parlare del carico stasera. I conti non tornano (Нам нужно обсудить груз сегодня вечером. Счета не сходятся), — быстро проговорил Мики, стараясь не смотреть мужчине в глаза.

Незнакомец лениво облокотился на стойку, сокращая расстояние между нами до неприличия. — Ieri ho dato un'occhiata alle nuove ragazze dello strip club. Questa volta si trattava di una festa con pompini (Вчера я посмотрел на новых девок в стриптиз-клубе. На этот раз была вечеринка с минетами), — ответил он тихим, вкрадчивым голосом.

Мики дёрнул бровью, выругался:

— Porca miseria, perché non mi hai chiamato? (Чёрт возьми, почему меня не позвал?).

Мики хлопнул Дина по плечу – дружески, но с подтекстом.

Затем Мики повернулся ко мне, и я увидела в его глазах настоящий, неприкрытый страх.

— Иза, познакомься. Это Дин. Мой брат. Дин, это Изабелла. Моя лучшая ученица.

Дин протянул руку. Его ладонь была горячей и сухой, а рукопожатие – слишком властным. Он не просто пожал мою руку, он зафиксировал её, заставляя меня почувствовать силу каждой его мышцы.

— Приятно, Изабелла. — Его голос обволакивал, как тяжелый бархат.

— Взаимно. — Я отдернула руку, когда почувствовала, как его большой палец медленно мазнул по моей коже.

У Мики завибрировал телефон. Он взглянул на экран так, будто это была повестка в ад.

— Черт, поставщик на заднем входе. Дин, присмотри за баром. Иза, не скучай.

Как только дверь за Мики захлопнулась, пространство вокруг меня сжалось. Дин подошел вплотную, нависая над моей тетрадью. От него пахло цитрусом, дорогим табаком и чистым, неразбавленным тестостероном.

Сердце забилось чаще.

— Так сильно стараешься, — прошептал он, и его дыхание, пахнущее крепким эспрессо, коснулось моей щеки. — Покажешь, где застряла, или будешь и дальше делать вид, что справляешься сама?

Чего? Самоуверенный индюк. Но тетрадь подвинула, вежливость победила на миг.

— Вот, глаголы: Io parlo, tu parli... Как сказать «скажите медленно»?

Он наклонился еще ниже, фактически прижимая меня своей аурой к стойке. Его рука легла на дерево рядом с моей тетрадью, перекрывая мне путь к отступлению.

— Parla più lentamente (Говори медленнее). — Его палец медленно, почти интимно, обвел контур буквы в моей тетради. — Если скажешь это мужчине, глядя прямо в глаза... он замедлится. Но не для того, чтобы ты лучше понимала слова, Рыжая.

Мои щеки горели огнем. Внизу живота завязался тугой узел от этого вкрадчивого, обещающего боль и наслаждение тона.

— А как насчет этой фразы? — Я прищурилась, пытаюсь вернуть контроль над ситуацией. — Perditi, stronzo (Исчезни, придурок). Подойдет для нашего случая?

Дин не шелохнулся. Напротив, он подался вперед еще на дюйм, так что я почувствовала жар его тела через тонкую ткань платья. Его глаза потемнели, становясь почти черными.

— Смело. — Его голос стал еще тише, превращаясь в рокот. — Но лучше выучи Essere obbedienti (Быть послушной). В твоём случае это спасет тебе жизнь.

Я сжала ручку так сильно, что она хрустнула. Я хотела ответить что-то резкое, но мой голос просто застрял в горле. Он не просто флиртовал. Он забирал пространство, воздух и мою волю.

Дверь распахнулась, и в бар ввалился Мики. Он едва не уронил ящики, когда увидел, насколько близко Дин стоит ко мне.

Дин отстранился медленно, с ленивой грацией хищника, который точно знает, что жертва никуда не денется. Он обернулся к Мики. Воздух в баре словно похолодал на десять градусов. Дин заговорил на итальянском, и его голос звучал как низкий рокот, от которого вибрировали стаканы на полках.

— L'hai già scorporata? (Ты её уже трахнул?) — вопрос прозвучал буднично, но в глазах Дина вспыхнул ледяной огонь.

Мики замер на месте, и я увидела, как побледнело его лицо. Он посмотрел на Дина с таким ужасом, будто тот приставил пистолет к его виску. Мики ответил быстро, почти задыхаясь от напряжения.

— No, è intoccabile. La sto proteggendo, nessuno le si avvicina. (Нет, она неприкосновенна. Я храню её, никого к ней не подпускаю близко.)

Дин прищурился, переваривая ответ. Его взгляд снова мазнул по мне, и в этом взгляде было столько неприкрытого, тяжелого желания, что у меня подкосились ноги. Он ничего не сказал Мики. Просто кивнул, словно принял отчет, и снова повернулся ко мне.

— A presto, Isabella (До встречи, Изабелла).

Его голос впечатался мне под ребра. Он вышел из бара своей хищной походкой, и дверь за ним захлопнулась с тяжелым стуком. Я стояла, вцепившись в стойку, и чувствовала, как по спине стекает холодный пот. Мики шумно выдохнул и оперся руками о дерево, его костяшки были белыми от напряжения.

— Кто это был, Мик? — мой голос прозвучал как чужой. — Ты никогда не говорил про брата. И почему ты... почему ты так на него смотришь?

Мики поднял на меня глаза. В них всё еще плескались остатки страха. Он вытер лоб дрожащей рукой и начал судорожно разбирать ящики, лишь бы не смотреть на меня.

— Он мне не по крови брат, Иза. Мы просто... выросли вместе. В одном районе, в одной грязи. Он для меня семья, но мы не делим одну фамилию.

— Вы совсем не похожи. — Я вспомнила лицо Дина, его глаза, которые видели меня насквозь. — Он кажется... другим. Опасным.

— Он и есть опасный, малыш. — Мики наконец посмотрел на меня, и в его взгляде промелькнула странная жалость. — Просто забудь об этом уроке. Дин... у него свои дела, у меня свои. Не думай о нем. И ради бога, учи язык. Тебе это пригодится быстрее, чем ты думаешь.

Я кивнула, но внутри меня всё кричало о том, что всё изменилось. Брат, который не брат. Взгляд, который клеймит. И этот короткий диалог на итальянском, от которого Мики едва не лишился чувств. Я понимала, что они говорили обо мне, и это понимание жгло изнутри.

— Пойду я домой, Мик. Голова раскалывается от этой жары.

— Иди, принцесса. — Он попытался улыбнуться, но вышло жалко.

Выйдя из бара, я жадно глотнула раскаленный воздух. Машина ждала на стоянке, океан сверкал оранжевым. Я завела мотор, но фраза «A presto, Isabella» (До встречи, Изабелла) продолжала звучать в моих ушах, как приговор. Я еще не знала, что спектакль только начался, и главная роль в нем уже давно отведена мне. Причем без моего согласия.

Глава 4. Дин.

Вечер в «La Notte Nera» (*Черная Ночь*) всегда пахнет одинаково: дорогим азартом, мужским потом и кислым запахом дешевых надежд, который навсегда въелся в ковры. Мой стриптиз-клуб гудел за стеной. Басы долбили в виски, а визг девок сливался с хохотом пьяных ублюдков в один неразличимый гул. Но здесь, в задней комнате для «своих», звуки тонули в тяжелых дубовых панелях, как крики под подушкой.

Сигаретный дым висел в воздухе плотным слоем. Стол был завален пачками стодолларовых купюр и пакетами с «белым снегом». Мой «Глок» с глушителем лежал у правой руки — привычный, холодный, верный. Я сидел во главе стола, расстегнув ворот рубашки и закатав рукава до локтей. В моем стакане плескался виски, ловя тусклый свет лампы. Вокруг сидели мои псы. Пятеро тех, кто держит этот город за горло вместе со мной.

Рикко, лысый бык со змеей на шее, пересчитывал пачки. — Двадцать три тысячи чистыми за уикенд, Босс, — его голос звучал как наждачка по металлу. — Русская блонда вчера раздела троих арабов на приличный приват.

Карлос, мексиканец с глазами гадюки, лениво крутил нож-бабочку. Сталь блестела в его пальцах.

— А что с тем ублюдком из Вегаса? Он торчит нам пятнадцать штук. Клянется отдать на следующей неделе. Отрезать ему яйца прямо сейчас или подождем?

— Отрежешь, — я произнес это спокойно, едва коснувшись края стакана. Лёд звякнул. — Но сначала дай ему шанс заплатить с процентами. Десять процентов за каждый день просрочки. Пусть знает цену моего терпения.

Маркус, огромный негр со шрамом через все лицо, выпустил струю дыма из косяка.

— Дин, колумбийки приехали. Две девки вчера устроили истерику в общем зале, пришлось выкинуть. Нужна свежая кровь?

Франко, тощий итальянец, допил вино прямо из горла и вытер рот рукавом.

— Колумбия это кожа да кости. Бери бразильянок, у них жопы созданы для того, чтобы на них делали деньги.

— Пятнадцать штук, — отрезал я. — Молодые, послушные. И чтобы никакой самостоятельности. Еще в прошлый раз товар был разбавлен каким-то дерьмом, клиенты блевали в випах. Если это повторится, я скормлю поставщика нашим свиньям на ферме.

Тони, наш суетливый айтишник, поднял глаза от телефона. Его пальцы дрожали.

— Капитанша полиции снова крутилась у входа. Спрашивала про пропавшую девчонку. Говорит, ей мало пяти косых в неделю. Хочет повышения ренты.

Я поднял руку, и в комнате мгновенно стало тихо.

— Пять косых это её потолок. На следующей неделе дай ей семь, но передай: если сунется без звонка, ты встретишь её не с конвертом, а с пакетом на голову. Ясно?

Тони судорожно кивнул. Франко швырнул пустую бутылку в угол, и звук разбитого стекла поставил точку в нашей летучке.

— Разбирайтесь с мелочью, — я встал, отодвинул стул. — Я буду в випе. Нужно позвонить в Майами.

Дверь закрылась за моей спиной с мягким щелчком. Вип-комната пахла кожей и сексом. Я набрал Рауля.

— Три кило кокаина и десять стволов с глушителями. К среде.

— Двадцать пять штук, Дин, — прохрипел он на том конце.

— Двадцать. И две колумбийки с четвертым размером.

Рауль булькающе рассмеялся.

— Договорились, волк. Жди.

Я отложил телефон. Дверь открылась без стука – Франческа. Моя любимая итальянка из Рима для быстрых дел. Силиконовые губы, грудь, едва прикрытая красным корсетом, и запах духов, сладкий до тошноты. Она опустилась на колени передо мной, виляя задницей в кружевных чулках.

— Динни, — промурлыкала она, расстегивая мою ширинку. — *Voglio in bocca* (Хочу в рот). Прямо сейчас. Ты же знаешь, я соскучилась.

Фраза ударила меня под дых, как кастет. *Voglio in bocca*. Вспышка в голове. Тот гребаный бар. Рыжее пламя волос, молочная кожа и эти чертовы карие глаза, полные ненависти, вызова и ледяного презрения.

Perditi, stronzo (Исчезни, придурок), — вспомнил я её хриплый голос.

Мой член напрягся так мгновенно, что ткань брюк стала тесной. Это была не просто похоть, это была ярость, смешанная с желанием сломать её. Франческа взяла головку в рот — горячая, влажная, покорная. Чересчур покорная.

Я запустил пальцы в её густые черные волосы и грубо потянул назад, заставляя выпрямиться. Её глаза расширились от неожиданности, слюна потекла по подбородку. Слишком дешево. Слишком легко.

— Глубже, — приказал я, и голос мой сорвался на рокот хищника. — Я хочу чувствовать твоё горло. Не играй со мной.

Она сглотнула, в её взгляде мелькнул страх, смешанный с возбуждением. Она снова опустилась, на этот раз заглатывая меня полностью. Её горло сжалось вокруг меня, вызывая волну дикого, животного наслаждения. Мои руки впились в её плечи, оставляя красные следы на бледной коже.

Но я видел не её. Я представлял, как эти рыжие волосы рассыпаются по моим бедрам. Как Изабелла упирается руками в мои колени, пытается сопротивляться, но подчиняясь моему приказу. Её рот был бы тугим, злым, полным сопротивления, а не этой рабской покорности. Она бы смотрела на меня снизу вверх, захлебываясь своей дерзостью и моей силой. Я хотел слышать, как её *Perditi, stronzo* (Исчезни, придурок) превращается в хриплое, животное рычание, когда я вколачиваюсь в неё до самого предела.

Я ускорил темп, трахая её рот с жесткостью, от которой Франческа начала давиться. Слезы выступили у неё на глазах, но она не отстранилась. Она была хорошо обученной шлюхой, знающей цену моему удовольствию. Мои пальцы сжались на её затылке, прижимая её лицо к моему паху. Жар внизу живота стал невыносимым. Образ Изабеллы в моей голове закричал, её ногти впились в мою кожу, оставляя кровавые борозды. Я кончил, выплескивая всю свою ярость и одержимость прямо ей в горло, пока она жадно глотала всё до капли, захлебываясь моим семенем.

Она отстранилась медленно, тяжело дыша и вытирая рот ладонью. Сперма блестела на её силиконовых губах.

— Вкусно, Динни... — прошептала она, но её улыбка была слегка испуганной.

Дверь распахнулась. Микеле. Он замер на пороге, увидев Франческу на коленях, и криво усмехнулся. Но в глубине его глаз я прочитал всё ту же смесь страха и вины. О, он знал. Он видел эту тьму во мне.

— Черт, Дин, опять мучаешь девчонку? Я думал, она на сцене работает, а не полирует твою гордость в три смены.

Я неторопливо застегнул ширинку, чувствуя, как адреналин медленно покидает кровь. Бросил Франческе пару купюр, больше, чем обычно. За её терпение и за то, что её тело послужило холстом для моей фантазии.

— Свободна. Иди работай.

Она подмигнула Мики и вышла. Брат рухнул в кресло напротив, жадно наливая себе виски. Его руки всё ещё слегка подрагивали.

— Что ты здесь забыл? — спросил я, разглядывая его. — В баре всё тихо?

— Забирал платье для Изабеллы, — он сделал глоток. — Она попросила, сама бы не успела. Решил заскочить к тебе по пути. Ох уж эти девчонки... Тряпки для них важнее воздуха. Словно шелковый подол поможет ей найти мужика.

Изабелла. Имя отозвалось вибрацией в груди. Я вспомнил, как её белое тонкое платье обтягивало тяжелую, полную грудь, которую так и хотелось смять в руках. Её кожа, её запах... Моё тело снова отозвалось глухим ударом пульса.

Микеле стал серьезнее.

— Кстати, товар у меня дома. Кокаин и мет. Забери сейчас, мне беспокойно держать это рядом с ней.

Я кивнул, задавив образ рыжей в глубине сознания. Капо не должен отвлекаться на юбки. Но я уже знал, что это белое платье она наденет именно для меня. Даже если сама еще об этом не догадывается. Игра только начиналась.

— Поехали. Заводи машину.

Ночь только начиналась. И моя охота тоже.

Глава 5. Дин.

Машина урчала хищно, фары вырезали куски ночи из густой темноты, а океан слева блеснул черным маслом под тяжелой луной. Микеле гнал по побережью, шины визжали на каждом крутом повороте, а ледяной воздух из кондиционера едва справлялся с жаром, который всё ещё тлел у меня в костях после Франчески. Я сидел справа, выставив локоть в открытое окно. Сигарета тлела в пальцах, и горький дым мгновенно растворялся в соленом ночном ветре. В багажнике подпрыгивали пустые сумки для товара. Ночь пахла предвкушением крови, денег и чего-то еще, что я пока не мог назвать.

— Престон заигрался, — начал я, не поворачивая головы. — Его люди на левом побережье начали задерживать наши грузы под видом «технических проверок». Этот жирный думает, что порты принадлежат ему по праву рождения.

Микеле коротко кивнул, переключая передачу.

— Мы следим за ним столько месяцев, Дин. Он осторожен. Но его терминалы в Лонг-Бич — это золотая жила. Если мы их не заберем, поставки из Колумбии встанут колом.

— Престон — крыса, возомнившая себя королем портов, — я затушил сигарету о край пепельницы. — Завтра Рикко проверит его склады. Если найдем хоть грамм неучтенного товара, я лично закрою его лавочку.

— Согласен. С ним пора кончать, — Микеле сбавил газ, сворачивая к пирсу. — Кстати, про склады. Забрал сегодня у Бьянки со склада, он решил дать сдачу какой-то модной дизайнерской тряпкой, вот я и решил взять для Изы. Она будет в восторге, а еще завтра у нее какой-то важный ужин.

Я лишь мельком взглянул на пакет на заднем сиденье. Изабелла. Имя отозвалось в груди коротким, раздражающим ударом пульса. Я тут же подавил это чувство, загнав его под ледяной корсет логики. Моя биология протестовала. Мозг навязчиво подсовывал образ её губ, когда она крикнула это свое *stronzo* (придурок). Глупое, инстинктивное влечение. Я злился на самого себя за то, что позволил этой рыжей девчонке на мгновение выбить меня из колеи в том баре. Она не была «огнем». Она была задачей. Сложной, эстетически приятной, но всё же — просто задачей.

— Тряпки и ужины, — бросил я холодно. — Пусть развлекается. Лишь бы под ногами не мешалась.

— Она не мешается, Дин, — Микеле припарковался у бара, шины хрустнули по гравию. — Она живет своей жизнью. Просто... иногда мне кажется, что ей здесь не место. Слишком много грязи вокруг.

Я ничего не ответил. Мы вышли из машины. Ночной воздух был тяжелым и влажным. Ключи в руке Микеле звякнули слишком громко, нарушая тишину. Мы поднялись по скрипучей лестнице над баром.

— Заберем товар и разойдемся, — проговорил я, пока он возился с замком. — Мне еще нужно связаться с Карлосом по поводу портов Престона.

Микеле толкнул дверь, и мне в лицо ударил густой, дразнящий запах: чеснок, базилик, растопленный пармезан и сочные томаты. Лазанья. Домашний уют в логове змей.

— Черт, — прошептал Микеле. — Я же не просил её...

Я вошел следом, и дверь закрылась с мягким, роковым щелчком. Кухня была залита теплым желтым светом. И там была она. Спина в обтягивающих джинсах, рыжие волосы тяжелым каскадом падали до самых лопаток. Она резала салат — огурец хрустнул под лезвием ножа. Её попа натягивала ткань при каждом движении, а грудь мягко колыхнулась, когда она обернулась на звук.

Увидев Микеле, она просияла. Нож отлетел в сторону, и она бросилась к нему — обняла крепко, чмокнула в щеку трижды, по-итальянски.

— Мики! Сюрприз! — она смеялась, и этот звук резал мой слух своей неуместной чистотой. — Лазанья почти готова. Думала, ты вернешься голодный и начнешь грызть мебель.

Микеле обнял её в ответ, но я видел, как он напрягся, косясь на меня.

— Иза? Откуда у тебя ключи? Ты же домой собиралась!

Она отстранилась, и её улыбка мгновенно погасла, когда взгляд встретился с моим. Холод стальной арматуры. Щеки едва заметно порозовели — не от смущения, а от внутреннего протеста. Она знала, что я смотрю. Она чувствовала мой взгляд, как ожог.

— Дин. Добрый вечер, — бросила она сухо.

Никаких объятий. Никакой теплоты. Только ледяная дистанция. Я почувствовал, как внутри снова шевельнулось то самое животное чувство, которое я так тщательно отрицал. Отрицать было трудно, когда она стояла так близко, пахнувшая какими-то цветами и домашними специями. Но я лишь коротко кивнул.

— Изабелла, — мой голос прозвучал ниже, чем я планировал. — Пахнет божественно. Не ожидал от тебя таких талантов.

Она молча повернулась к столу и начала разливать вино. Движения точные, спина прямая, как струна. Она была идеальным объектом. Красивым, строптивым и чертовски сексуальным.

— Садитесь. Пять минут и всё будет на столе.

Микеле хлопнул меня по плечу, приглашая к столу.

— Ладно, Микеле, — произнес я, подчеркивая его полное имя, чтобы восстановить пошатнувшуюся иерархию в этой уютной комнате. — Сначала ужин. Работа подождет.

Я сел прямо напротив неё. Наши ноги под столом едва не соприкоснулись. Лазанья на тарелке запеклась золотистой корочкой, сыр тянулся длинными нитями. Она подвинула мне тарелку, упорно избегая моих глаз.

— За Италию, — я поднял бокал, впиваясь глазами в её лицо. Я изучал её, как карту местности. Каждую черточку, каждую вспышку гнева в её карих глазах. — *Salute, principessa* (Здоровья, принцесса).

Она взяла свой бокал, чокнулась с Микеле, но мой бокал демонстративно проигнорировала. Улыбка на её губах была вежливой, но в глазах плясали искры вызова.

— *Salute*.

Микеле рассмеялся, вилка в его руке звякнула о фарфор.

— Дин, не пугай девчонку своим итальянским. Она еще только на стадии «привет-пока».

Изабелла сделала глоток вина и дерзко посмотрела на меня поверх края бокала. — Я уже знаю достаточно. Чтобы сказать *stronzo* (придурок) тем, кто не понимает личных границ.

Между нами проскочило напряжение, которое можно было потрогать руками. Она отвела взгляд первой. Под столом я медленно, намеренно вытянул ногу и коснулся её голени своей. Это не было флиртом. Это было утверждением доминирования. Изабелла замерла. Вилка в её руке звякнула о тарелку. Микеле, увлеченный едой, ничего не заметил. Я продолжал смотреть ей прямо в глаза, наслаждаясь тем, как в их глубине вспыхивает смятение.

— *Passami la forchetta, principessa* (Передай мне вилку, принцесса).

Глава 6. Изабелла.

— Passami la forchetta, principessa (Передай мне вилку, принцесса).

Голос Дина лился густым медом с опасной хрипотцой. Его зелено-голубые глаза впились в мои, как рыболовные крючья, из которых невозможно вырваться. Под столом его нога прижалась к моей еще сильнее — горячая, тяжелая, заявляющая свои права на это пространство. Вилка выскользнула из моих пальцев и со звоном ударилась о фарфор. Микеле продолжал увлеченно жевать лазанью, совершенно не замечая электрических разрядов, которые буквально плавили воздух между нами.

Я сжала губы и, стараясь унять дрожь в руках, протянула Дину вилку. Наши пальцы соприкоснулись. Короткий, обжигающий контакт, от которого ток прошел запястье и ушел куда-то под ребра. Он поймал мой взгляд и едва заметно улыбнулся уголком рта. В полумраке кухни его зубы блеснули, как клыки волка, почуявшего кровь.

— Grazie (Спасибо), — выдохнул он, не разрывая зрительного контакта.

Мои щеки вспыхнули. Я резко отвернулась к Микеле, хаотично тыкая вилкой в салат.

— Как тебе лазанья, Мик? Не пересолила?

Микеле макнул кусок хлеба в соус и зажмурился от удовольствия, задев меня локтем.

— Иза, ты королева этой кухни! Моя мать тебя на руках носить будет. Завтра закроем бар пораньше, назначу тебя шефом. Клиенты с ума сойдут.

Я фыркнула и сделала большой глоток вина. Ледяная жидкость немного остудила пожар внутри.

— Размечтался. У меня вообще-то проекты горят. Новая вилла у океана — заказ просто мечта, но клиент... настоящий психопат.

Дин внезапно наклонился вперед, положив локти на стол. Рубашка туго обтянула его широкие плечи. Его взгляд медленно прошелся по мне: от выреза топа до моих губ. Это был взгляд хищника, оценивающего добычу перед прыжком.

— Что за проекты? — спросил он. — Расскажи.

— Я дизайнер интерьеров, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Интерьеры? — Дин усмехнулся, и в этом звуке было слишком много подтекста.

— И что же ты создаешь? Места, где люди могут спрятаться от своей грязи?

— Я создаю уют. Мягкий свет, бархат, зеркала, которые отражают мечты, а не трещины в стенах. Люди платят за возможность забыться.

Микеле громко хохотнул, зачерпывая соус.

— Забыться? В твоих шелковых блузках, Иза, они забывают даже сумму в чеке. Помнишь того богача с яхты? Он полчаса не мог выговорить цвет ткани, потому что боялся моргнуть и пропустить, как ты поправляешь волосы. Ты для них — самый опасный элемент декора.

— Мики! — я вскрикнула, чувствуя, как лицо заливает краска, и ощутило ткнула его локтем под дых. — Мы говорили о работе!

Дин даже не моргнул. Его взгляд стал еще более тяжелым и ленивым.

— Значит, ты считаешь, что красота способна упорядочить хаос? — Его голос вибрировал бархатом с хищным обертоном. — Или ты просто используешь то, что дала природа, как инструмент манипуляции?

Я почувствовала, как внутри закипает холодная ярость.

— Талант создает, — отчеканила я, глядя ему прямо в глаза. — А всё остальное — лишь приятный бонус. И, как видишь, он работает безупречно.

Тишина в комнате натянулась, как струна перед обрывом. Дин улыбнулся. Не открыто, а лишь уголками губ, с той невыносимой самоуверенностью, которая вызывала у меня желание либо ударить его, либо бежать без оглядки.

— Манипуляция требует определенной доли токсичности, — почти прошептал он. — Похоже, ты владеешь этим искусством не хуже, чем дизайнером.

Это был удар наотмашь. Токсичность? Серьезно? Этот наглый индюк смеет меня оценивать? Я сжала кулаки под столом до белизны в костяшках. Гнев поднялся горячим комом, но я заставила себя улыбнуться — тонко и ядовито. Мики неловко кашлянул, явно чувствуя, что атмосфера стала слишком плотной. — Так, время десерта! В баре остался твой любимый вишневый пирог, Дин. Пора немного охладиться.

Дин отвел взгляд первым, и я наконец смогла сделать вдох. Сердце колотилось в горле. Мики вскочил, ключи звякнули, и дверь за ним захлопнулась. Мы остались одни. Тишина стала электрической.

— Десерт подождет, — Дин произнес это шепотом, глядя на мои губы. — Ты, Изабелла... Sei un dolce pericolo (Ты — сладкая опасность).

— Я не понимаю твой итальянский, — я вскинула подбородок. — Говори по-английски.

Дин наклонился еще ближе. Жар его тела пересек стол, а запах одеколона ударил в голову сильнее любого алкоголя.

— Всё ты понимаешь. Vuoi giocare, principessa? (Хочешь поиграть, принцесса?).

Под столом его нога прижалась к моей с такой силой, что я едва не вскрикнула. — Отвали от меня, Дин. — вскинула я подбородок. — И убери ногу.

Его улыбка мгновенно исчезла, сменившись ледяной сталью во взгляде.

— Отвалить? После того, как я услышал твои тайные желания в баре? Ты сама открыла эту дверь, principessa. А я не привык уходить, не осмотрев весь дом.

Кровь хлынула мне в лицо.

— Это была случайность! Да ты...

Я хотела ответить, но дверь с грохотом распахнулась. В дом ворвались двое

— в кожанках, с уродливыми татуировками на шеях и глазах, в которых не было ничего человеческого.

— Микеле, сучка! — выплюнул один из них. — Десять штук за LSD! Где бабки?!

Дин напрягся мгновенно. Его расслабленная поза исчезла, сменившись пугающей готовностью к броску. Он не сделал ни одного лишнего жеста, но я почувствовала, как воздух вокруг него стал плотным, как бетон. Он чуть сместил корпус, закрывая меня собой от незваных гостей. Его рука железным обручем обхватила мой локоть. Я почувствовала силу его мускулов даже через ткань — это была стена, за которой не страшно.

— В комнату. Быстро. И не выходи, — это был не совет, а ледяной приказ.

Он буквально втолкнул меня в спальню, и дверь за мной захлопнулась. Щелчок замка прозвучал как выстрел. Темнота. Тишина, которая давит на барабанные перепонки так, что слышно пульсацию собственной крови. Я прижалась ухом к холодному дереву двери, и оно вибрировало от приглушенных криков снаружи. Ноги подкосились. Я сползла на пол, впиваясь ногтями в ладони так сильно, что почувствовала липкую влагу. LSD? Десять тысяч? Мики... мой добрый Мики замешан в этом?

Вдруг из-за двери донесся грохот — падение тяжелого тела. А потом — тихий, металлический щелчок. Мои легкие замерли. Воздуха в комнате вдруг стало катастрофически мало. Я судорожно хватала его ртом, но он был сухим и горьким. Паника накрыла меня ледяной волной.

Пх-т.

Глухой хлопок. Негромкий, но он прошел меня насквозь. Выстрел из глушителя. Мир вокруг перестал существовать. Перед глазами заплескали черные пятна. Кто это был? Чей это выстрел? Мики? Его больше нет? Или Дин? Я закрыла рот руками, чтобы не закричать, чувствуя, как горячие слезы обжигают щеки. В голове билась одна мысль: «Выйди. Открой дверь. Помоги им». Но тело превратилось в свинец. Я вжалась в угол за кроватью, стараясь стать невидимой, слиться с тенями.

Каждый шорох в коридоре казался шагом палача. Медленным. Неотвратимым. Вот сейчас дверь вылетит с петель, и я увижу тех уродов. Вспышка в мозгу — холодный ствол у моего виска. Я зажмурилась так сильно, что заболели глаза. Не дыши. Пожалуйста, просто не дыши.

Скрип. Дверь спальни открылась медленно, со стоном петель. Я перестала существовать. Сердце сделало последний, болезненный удар и замерло.

В проеме возник силуэт Дина. Его плечи казались огромными, закрывающими весь свет из коридора. За его спиной — бледная тень Мики.

Они живы.

Я вскочила, не чувствуя ног, и бросилась к Мики. Вцепилась в него, вдыхая запах пота и страха. Он дышал. Он был здесь.

— Мик! — мой голос сорвался на хрип. — Ты цел? Тебя не ранили?

Мики обнял меня в ответ, его руки дрожали.

— Цел, Иза. Цел. Дин... он всё уладил. Прости, что ты это видела.

Дин стоял у двери, скрестив руки на груди. Его костяшки были разбиты в кровь, а на черной рубашке расплывалось темное пятно. Чья это была кровь? Он молчал, и его взгляд был холодным, как арктический лед.

— Нужно поговорить, Микеле, — отрезал он. — Отвези её домой. Сейчас же.

— Куда отвезти? Что уладить?! — закричала я, чувствуя, как истерика прорывается наружу. — Кто эти люди? Дин, на тебе кровь! Мики сжал мои плечи, заглядывая в глаза. В его взгляде была смесь стыда и мольбы.

— Потом, Иза. Пожалуйста. Пойдем в машину.

Дорога домой казалась бесконечной. Черная лента асфальта сливалась с темнотой океана. Шок сковал мое тело, зубы выстукивали дробь. Я смотрела в окно, но видела только бледное лицо Мики и пятно крови на рубашке Дина.

— Иза, всё будет хорошо, — прохрипел он.

— Это просто старый долг. Поставщики... налоги. Бар требует вложений, я задолжал не тем людям. Дин помог. Он их... утихомирил. Не бойся.

Я медленно повернула к нему голову.

— Клиенты с глушителями, Мик? Десять тысяч за LSD? Ты торгуешь дурью? Не лги мне!

Мики ударил ладонью по рулю, машина дернулась.

— Это просто слова, Иза! Они блефовали, хотели припугнуть. У меня чистый бизнес, клянусь. Просто Дин... он в теме этих разборок, он умеет говорить с такими ублюдками.

— А кровь? Чья это кровь на нем была? И почему он тобой командует? — я чувствовала, как злость вытесняет страх. — Ты мне два года как брат, а сегодня я прячусь в спальне, пока твой «друг» кого-то убивает за дверь?

Мики тяжело вздохнул.

— Кровь не его. Он просто... применил силу. Без оружия. Дин такой — он защищает своих. Прости, Иза. Я не хотел тебя в это впутывать. Иди домой, выпишись. Завтра я всё улажу. Обещаю.

Машина остановилась у моего дома. Я вышла на ватных ногах, не оборачиваясь. Захлопнула дверь, отсекая себя от этого лживого мира. Но внутри всё продолжало кричать. Дин. Его плечи, закрывающие меня от пуль. Его голос, отдающий приказы. Почему в ту секунду он казался мне единственной опорой? Почему я не оттолкнула его?

Я зашла в квартиру и рухнула на кровать, не раздеваясь. Океан за окном продолжал шептать свои лживые обещания, но я знала: мой мир треснул навсегда. И в этой трещине, как в темной воде, отражались чьи-то глаза.

Сна не было. Только тишина, в которой всё еще звучал глухой хлопок выстрела.

Глава 7. Дин.

Металлический лязг входной двери бара внизу прорезал тишину, как скальпель плоть. Я стоял на втором этаже, у панорамного окна гостиной, и спиной чувствовал каждый тяжелый шаг Микеле по лестнице. Ступени стонали под его весом, выдавая его страх и изнеможение. Мои руки, вбитые глубоко в карманы дорогих брюк, сжались в кулаки. Боль в разбитых костяшках была тупой и ритмичной, она пульсировала в такт моему сердцебиению, напоминая о том, как хрустела челюсть того мексиканца под моим ударом.

Я стоял здесь вечность. Или пятнадцать минут. В моем мире время имело свойство растягиваться, когда я ждал расплаты. За окном Калифорния продолжала свой бесконечный карнавал: неоновые вывески окрашивали асфальт в ядовито-розовый, где-то вдалеке выл мотоциклетный мотор, а океан лениво слизывал пену с берега. Я обвел взглядом гостиную. Это не был мой дом. Квартира Микеле всегда казалась мне слишком тесной, пропитанной запахами обычной, обывательской жизни, которую я давно перерос. Здесь не было той стерильной тишины и безопасности, к которым я привык в своих апартаментах. Но сегодня я не мог уйти. Оставить Микеле одного в этом развороченном гнезде означало подписать ему смертный приговор. Если Карлос решит прислать кого-то посерьезнее этих двух идиотов, Микеле не продержится и минуты. Еще здесь, в четырех стенах, воздух был отравлен. Её запахом.

Цветочная вспышка, мускус и едва уловимый аромат её кожи. Этот запах вьелся в шторы, в обивку дивана, в мои собственные легкие. Изабелла ушла, но она оставила здесь хаос. На столе сиротливо стояли тарелки с лазаньей; сыр застыл уродливыми желтыми пятнами, а вино в бокалах потемнело, напоминая сгустки венозной крови.

В моей голове всё еще прокручивались кадры недавнего спектакля. Рев боли Джо Санчеса, когда пуля из моего глушителя раздробила ему коленную чашечку. Трупный холод в глазах его напарника Пабло, замершего перед стволом моего «Глока». И тишина. Та самая мертвая тишина из-за двери спальни, где она задыхалась от ужаса.

Щелчок замка. Микеле ввалился в гостиную, как подбитый зверь. Его лицо было землистого цвета, рубашка прилипла к спине от пота, а волосы торчали клочьями – видимо, он всю дорогу впивался в них пальцами. Он замер в дверном проеме, парализованный моим молчанием. Я не оборачивался. Я ждал, когда тишина раздавит его окончательно.

— Дин... — его голос надломился, как сухая ветка. — Всё. Отвез её. Она дома. В безопасности.

— В безопасности, — повторил я, и это слово на вкус было как ржавое железо.

Я медленно повернулся. Тень от рамы окна легла на мое лицо, превращая его в неподвижную маску. Я сделал шаг вперед – медленный, хищный, сокращая дистанцию с той неотвратимостью, с которой хищник приближается к раненой добыче.

— Десять тысяч долларов, Микеле, — мой голос упал до ледяного шепота, который был громче любого крика. — Десять тысяч за дешевую дурь, которую ты решил толкнуть за моей спиной. За долг, который ты растил три недели, надеясь, что я не узнаю. За то, что ты поставил под удар всё, что я строил годами.

Микеле вскинул руки, пытаясь защититься словами, но я не дал ему шанса.

— Дин, послушай, я просто хотел...

— Нет, это ты послушай, — я шагнул в его личное пространство, чувствуя запах его паники. — Ты будешь слушать каждое мое слово, потому что это может быть последний раз, когда я обращаюсь к тебе как к брату, а не как к мусору, который нужно убрать.

Я оперся локтями о стол за его спиной, нависая над ним.

— Две шестерки Карлоса вваливаются в твой дом. С ножами и претензиями на долю. Это грязь, Микеле. Уличная, вонючая грязь. Я убивал людей за меньшие проступки. Я пятнадцать

лет закаляю свою империю в крови, чтобы такие, как Джо и Пабло, обходили нас за милую. Но знаешь, что в этой истории самое паршивое?

Он молчал, его глаза лихорадочно метались по комнате, избегая моего взгляда. — Самое паршивое – это её дыхание, — я наклонился к самому его уху. — Я слышал через дверь, как она замерзла. Как её легкие превратились в лед, когда я нажал на спуск. Она сидела там, в углу, как загнанное животное, и всё это из-за твоей жадности, Микеле. Ты разрушил иллюзию, которую сам же и создавал два года.

— Я защищал её! — выкрикнул Микеле, и в его голосе прорезалось отчаяние. — Я два года держал её подальше от всего этого, Дин! Если бы она узнала правду про склады в портах, про то, на чем мы на самом деле делаем миллионы...

— Она бы ушла, — закончил я за него, выпрямляясь и глядя на него свысока. — Или сдала бы тебя властям. Ты кормил её сказками о честном бизнесе, пока сам тонул в дерьме. Ты хотел быть героем в её глазах, торгуя пивом и закусками, но сегодня маска треснула.

Микеле тяжело опустился на стул, словно кости в его теле внезапно превратились в свиные. Он закрыл лицо ладонями, и когда отнял их, я увидел в его глазах смерть его достоинства.

— Да, — выдохнул он. — Я врал. Потому что в нашем мире нет места для таких, как она. Она — единственный свет, который у меня остался. И если ради этого нужно лгать, я буду лгать до последнего вздоха.

Я прошелся по кухне. Мои мысли, которые я так долго держал в узде, начали бунтовать. Образ Изабеллы в спальне, её объятия с Микеле — «Ты цел? Ты цел?» — это резало меня острее любого ножа. Она обнимала его с такой неистовой преданностью, не подозревая, что обнимает причину своего ужаса. А я стоял в тени, сжимал пистолет и чувствовал, как внутри меня что-то ломается. Эта рыжая девчонка не должна была стать фактором. Но сейчас она была чем-то большим. Она была помехой. Опасной, притягательной помехой.

— Кто их навел? — спросил я резко. — Джо и Пабло. Мелкие сошки не приходят без команды.

Микеле взял стакан воды дрожащими руками.

— Они работают на Карлоса, но в этот раз пришли сами. Я занял у них денег три недели назад, думал перекрыть из прибыли бара. Поставщик в порту подsunул фальшивку, я прогорел. Джо и Пабло узнали, что ты будешь здесь...

— Они знали, что ты будешь не один, — перебил я. — Они знали время и место. Утром Рикко и Франко найдут их. Они узнают, кто слил информацию о моем присутствии. А ты, Микеле, исчезнешь.

Микеле поднял голову, в его глазах вспыхнул страх.

— Куда? Что с баром?

— Ты уедешь из города. На неделю, может на две. Проекты Престона в портах сейчас в приоритете, и мне не нужно, чтобы ты путался под ногами со своими долгами. Закроешься в доме в горах. Никаких звонков. Только мне.

— А Иза? — прошептал он. — Она спросит. Она уже спрашивает.

— Ей ты соврешь еще раз, — я посмотрел ему прямо в душу. — Скажешь, что срочный заказ, консультация в другом штате. Она должна спать спокойно. Это твоя единственная обязанность сейчас – сохранить её веру в то, что мир не так ужасен, как на самом деле. Завтра ты уедешь, — отрезал я. — А сегодня я останусь здесь. Не обольщайся, Микеле, это не братская забота. Я просто не хочу выносить твой труп из этого бара завтра утром, если Санчес решит, что одного простреленного колена ему мало. Я займу гостевую комнату.

Микеле едва заметно кивнул.

— И еще одно, — я остановился в дверях своей спальни. — Никаких уличных сделок. Никакого LSD. Ты часть моей организации, а не жалкий дилер. Если я еще раз увижу такую грязь рядом с собой... ты исчезнешь навсегда. И не в горах.

Я захлопнул за собой дверь, но тишина в комнате не принесла облегчения. Я рухнул на кровать прямо в одежде. В темноте, перед закрытыми глазами, стояло её лицо. Испуганное, бледное, но с тем самым вызовом в глазах, который я не мог забыть. Она видела кровь и не сломалась. Она почувствовала смерть и бросилась защищать того, кого любит.

Черт.

Я ударил кулаком в подушку. Ярость не уходила, она трансформировалась во что-то другое, более тяжелое и вязкое. Почему я думаю о том, как её белое платье натягивалось на бедрах? Почему я вспоминаю тепло её кожи под своими пальцами, когда передавал вилку?

Ночь была бесконечной. И я знал: сна не будет. В этой темноте я видел только её – рыжую ведьму, которая невольно начала разрушать мой идеальный, холодный план. Она была переменной, которую я не внес в уравнение. И теперь это уравнение грозило взорваться прямо у меня в руках.

Vuoi giocare, principessa? (Хочешь поиграть, принцесса?) — прошептал я в пустоту. Но я уже знал: игра зашла слишком далеко.

Глава 8. Дин.

Утро. 5:17.

Кроваво-красные цифры на приборной панели «Джипа» пульсировали в такт моему виску. Я заглушил мотор у самого края пустынного пирса. Океан дышал ровно и тяжело, как спящий зверь; серо-голубая гладь казалась затянутой тонкой пленкой льда, без единого гребешка пены. Ни души. Мое время. Пять утра – это не просто привычка, это ритуал очищения, который я не нарушал годами. Холодная соленая вода была единственным, что могло смыть липкий запах вчерашней крови, ярость от предательства Микеле и эти чертовы карие глаза, которые выжгли мне сетчатку.

Я сбросил ботинки прямо у двери машины. Рубашка полетела на песок. Босыми ногами я шел к кромке воды, чувствуя, как утренний воздух режет легкие, словно битое стекло. Когда волны лизнули лодыжки, ледяной спазм прошел тело до костей, но я лишь стиснул зубы. Я зашел в воду и поплыл. Далеко. Туда, где дно обрывается в бездну, где мощь прилива заставляет мускулы стонать от напряжения. Я греб, выплескивая в каждый рывок мысли о Микеле, о Джо и Пабло. И о ней. Каждое движение – как попытка утопить ту странную, болезненную одержимость, что проснулась во мне вчера.

Я вышел на берег через сорок минут. Кожа горела от мороза, мышцы сладко ныли, а в голове наконец воцарилась ледяная ясность. Океан лечил лучше любого виски. Я сел на влажный песок к воде, закинув руки на колени. Солнце только начало целовать горизонт – тонкая золотая нить по краю черной бездны. Тишина была абсолютной. До того момента, как я услышал шорох.

Легкий, почти невесомый звук шагов по песку справа. Я повернул голову медленно, не меняя позы.

Она.

Изабелла стояла метрах в двадцати. Босиком. В бикини цвета мокрого асфальта, которое не оставляло места для воображения. Тонкие черные ниточки едва удерживали её грудь – тяжелую, полную, украшенную каплями воды, медленно стекающими в глубокую ложбинку. Её рыжие волосы, мокрые и потемневшие, прилипли к плечам и шее. На молочно-белой коже проступили мурашки от холода, но взгляд был обжигающим. Она не спала – под глазами залегли тени, делая её взгляд еще глубже и злее.

Увидев меня, она замерла всего на секунду. Но страха не было. Её подбородок вздернулся в немом вызове, и она пошла прямо ко мне.

Сердце глухо ударило о ребра. Член в шортах отозвался резкой, предательской пульсацией. Черт бы её побрал.

Она остановилась в трех метрах. Вода стекала по её плоскому животу, по бедрам, собираясь в ямке пупка. Нижняя часть бикини была настолько крошечной, что сводила с ума. Я сжал кулаки, зарываясь пальцами в холодный песок, и смотрел ей прямо в глаза. Только туда.

— Рано, — мой голос был хриплым и надтреснутым от холодной воды. — Не спала?

Она кивнула – коротко, без тени улыбки. Полотенце лениво соскользнуло с её плеча, обнажив острую ключицу. Капля воды сорвалась с её подбородка и исчезла в ткани. Я невольно сглотнул.

— Не спала, — отрезала она. — После вчерашнего... трудно сохранять покой.

Слово «вчерашнее» повисло между нами, заряженное, как пистолет с взведенным курком. Она не спрашивала про глушитель. Не спрашивала, чья кровь была на моей рубашке. Она смотрела на меня так, будто сама была судьей. Храбрая маленькая дурочка.

— Идти сюда одной — еще большая глупость, чем вчерашняя лазанья, — я поднялся медленно, чувствуя, как песок осыпается с моих плеч. Я выпрямился, возвышаясь над ней. — После того, что ты видела, тебе стоит запереться в квартире.

Изабелла фыркнула дерзко, с тем самым вызовом, который заставлял меня хотеть её и придушить одновременно. Она сделала шаг навстречу, сокращая дистанцию до опасного минимума.

— Я видела двух идиотов с ножами. Решение очевидное: держаться подальше от баров с сомнительными долгами. И от людей, которые эти долги «закрывают».

Ярость вспыхнула во мне, как сухой хворост. Я шагнул вплотную, заставляя её задрать голову. Запах её кожи — соль, кокос и живое женское тепло, ударил в голову сильнее адреналина. Её грудь вздымалась от частого дыхания, и ткань бикини натянулась до предела.

— Очевидное решение — не совать свой нос в дела, которые тебя не касаются, — мой голос упал до опасного рокота. — Микеле сам разберется со своим дерьмом.

Она усмехнулась. Уголок её губ дрогнул в издевке.

— Микеле? Твой «брат»? Который торгует... «поставками»? Или всё-таки чем-то, за что простреливают голову?

Вызов был принят. Я наклонился к её лицу, чувствуя жар, исходящий от её тела.

— Спроси у него. Если у него хватит смелости врать тебе дальше.

Наступила тишина, в которой был слышен только грохот прибоя. Она смотрела на меня снизу вверх — мокрые ресницы, губы чуть приоткрыты, влажные от соли. Я хотел их. Здесь. Сейчас. На этом проклятом песке под первыми лучами солнца. Моя рука сама, против воли, потянулась к ней. Я коснулся её локтя, кожа была горячей после воды. Она не отпрянула. Она замерла, глядя мне в душу.

— Холодно, — мои пальцы медленно скользнули по её предплечью, вызывая новую волну мурашек под моей ладонью. — Где твоё полотенце, Изабелла?

Она резко выдернула руку, но в этом жесте не было страха — только протест. Она обмоталась полотенцем, но сделала это так небрежно, что её бедро продолжало соблазнительно блестеть на солнце.

— Сама разберусь. Ты мне не нянька, Дин.

Моя улыбка стала хищной. О, она бесилась. И это было великолепно.

— Нянька? Нет. Но в этом бикини... — я позволил своему взгляду медленно, почти осязаемо скользнуть вниз по её телу, задерживаясь на каждом изгибе.

— Этот пляж — не подиум для твоих провокаций. Здесь слишком много глаз.

Её щеки вспыхнули алым. Глаза сузились от гнева.

— Провокаций? Для кого?! — её голос звенел. — Здесь никого нет кроме тебя!

Я сделал последний шаг, полностью стирая пространство между нами. Её теплое дыхание коснулось моей подбородка. Моё собственное стало тяжелым и рваным.

— Именно, — выдохнул я ей в самые губы. — А теперь повернись.

Она не успела возразить. Я взял полотенце с её плеч — движение было резким, властным, не терпящим возражений. Я обернул его вокруг её бедер и завязал тугой, надежный узел на талии. Мои пальцы намеренно задержались на её коже — бархатистой, нежной, пахнущей штормом. Она вздрогнула.

— Ты что творишь?! — её голос сорвался. Она сорвала полотенце и швырнула его мне в грудь. — Отвали от меня!

Ткань упала на песок. Бикини снова открылось моему взгляду, и соски Изабеллы отчетливо проступили сквозь тонкую ткань от холода и возбуждения. Я сжал челюсти так, что зубы скрипнули. Мой самоконтроль трещал по швам.

— Люди идут, — соврал я абсолютно спокойно, хотя пирс был девственно пуст. — Перестань выставлять себя напоказ. Это приказ, а не просьба.

Она шагнула вплотную, впиваясь взглядом в мои глаза.

— Люди? Или тебе просто не нравится, что я не принадлежу тебе? Что я не твоя собственность, как твои шлюхи?

Дыхание перехватило. Я хотел её. Снова. Сильнее, чем когда-либо. Мои руки легли на её талию – тяжелые, стальные, непреклонные. Я притянул её к себе, чувствуя, как её грудь прижалась к моей грудной клетке. Между нами вспыхнул пожар.

— Нравится, — выдохнул я ей в губы, и в моем голосе не осталось ничего, кроме голого желания. — Слишком сильно нравится, принцесса. И это твоя самая большая проблема.

Она замерла. Время остановилось. А потом она резко ударила по моим рукам.

— Пошел ты, Дин!

Она развернулась и побежала к пирсу. Её рыжие волосы хлестали её по спине, бедра ритмично двигались, сверкая в лучах восходящего солнца. Полотенце осталось лежать у моих ног, как брошенное знамя. Я смотрел ей вслед, сжимая кулаки. Член болел, ярость смешивалась с чем-то новым – жгучим, неопознанным, опасным. Она ушла. А я остался стоять на этом гребаном песке с её запахом на руках и осознанием того, что эта девчонка только что выиграла первую схватку.

Пляж опустел. Но буря внутри меня только начиналась.

Я стоял под обжигающим душем в квартире Микеле над баром. Вода смывала соль, но не смывала её образ. Я оделся быстро. Щетину оставил, она добавляла лицу ту самую жесткость, которая мне была нужна сегодня. В зеркало я не смотрел. Я и так знал, что там охотник, упустивший добычу, но уже чувствующий вкус её страха.

В 8:45 я спустился вниз. Бар только начинал просыпаться. Микеле расставлял стулья, его лицо в свете неоновых вывесок казалось серым от усталости. Он попытался выдавить из себя подобие улыбки, но я прошел мимо, даже не кивнув. В задней комнате уже ждали.

Рикко сидел за столом, с механической точностью раскладывая пачки наличных. Напротив него Франко пускал дым в потолок, мерно качая ногой. На кожаном диване устроился Эстебан – человек Карлоса. Мексиканец с глубоким рубцом через всё лицо, который умел молчать так, что это пугало сильнее угроз.

Я сел во главе стола. Иерархия была незыблема.

— Ночь была продуктивной, — начал я, и мой голос резал тишину, как стальной клинок. — Джо Санчес и Пабло Мартинес. Где они?

Рикко поднял на меня тяжелый взгляд.

— Джо на портовом складе в южном секторе. Привезли пару часов назад, обработали слегка. Пабло рванул на север, прячется у сестры в Сан-Франциско. Мы уже пробили адрес.

Я медленно кивнул. Франко выпустил облако дыма, щурясь.

— Вопрос в другом, босс. Кто их натравил? Эти двое слишком трусливы, чтобы прыгать на Микеле без чужой отмашки.

В комнате повисла тишина. Эстебан задумчиво провел пальцем по шраму.

— Карлос говорит, это не его инициатива. Джо и Пабло – цепные псы, сорвавшиеся с поводка. Долг копился три недели. Они просто решили, что момент идеальный.

— Момент, когда Микеле остался один? — я подался вперед, впиваясь взглядом в мексиканца. — И они точно знали, в какую секунду он переступит порог своего дома. Это не случайность. Это слив.

Франко стряхнул пепел в хрустальную пепельницу.

— Утечка информации. Кто-то в баре или на погрузке слишком много болтает. Ты же знаешь, за пару сотен мелкие сошки продадут родную мать, не то что график капо.

Я поднялся и подошел к окну. Океан снаружи сверкал, равнодушный к нашим разборкам. Вспышка памяти: Изабелла на песке, мокрое бикини, вызов в её глазах. Хватит.

— Рикко, бери четверых. Отправляйся на склад. Мне нужен Джо Санчес. Он должен быть в состоянии говорить, так что без лишнего фанатизма. Его язык — наш единственный путь к заказчику. Понял?

Рикко кивнул, уже вставая.

— Франко, займись адресом в Сан-Франциско. Мне нужно знать, кто спрашивал у Пабло про расписание Микеле. Сестра точно в курсе его дел. Женщины всегда знают больше, чем говорят.

— Будет сделано, — Франко лениво потянулся. — Она запоем, как канарейка.

Эстебан поднялся последним. Его движения были медленными и весомыми.

— Карлос ждет твоего решения по поводу этих двоих. Что делать после того, как они выложат всё?

Я посмотрел ему прямо в глаза.

— После допроса они в распоряжении Карлоса. Его люди — его проблема. Но сначала они расскажут мне всё: кто их финансирует и почему они решили, что «Тень моря» подходящее место для их грязных игр.

Они уходили по одному, как детали отлаженного механизма. Машина запущена, колеса крутятся. Долги будут закрыты. Виновные — наказаны.

Микеле появился в дверях, когда я заканчивал распределять выручку. Сорок три тысячи чистыми. Часть уйдет на взятки, часть в общак.

— Всё в порядке? — его голос звучал осторожно, почти подобострастно.

— Для тебя — да, — бросил я, не поднимая головы. — В полдень возможно привезем Санчеса. Подготовь стол. И чтобы в баре никого не было. Закрываешься в девять. Никаких клиентов, никаких девиц. Полная тишина. Ясно?

— Ясно, — Микеле замялся. — Дин... Изабелла. Я скажу ей сегодня, что уезжаю. На неделю. Проект в Неваде, срочный вызов.

Я кивнул.

— Скажешь. И не вздумай ляпнуть лишнего про долги или вчерашнюю «вечеринку». Она должна верить в твою сказку.

Микеле ушел, и в его шагах я слышал тяжесть вины. А я подошел к окну и замер. Мимо бара, по тротуару, быстро шла девушка. Рыжая коса перекинута через плечо, простая белая футболка, джинсы. Изабелла. Я бы узнал её из миллионов по одной лишь походке. Я чувствовал её присутствие кожей.

Она не оборачивалась. Шла стремительно, не глядя по сторонам. Но я видел напряжение в её спине. Она знала, что я смотрю. Она чувствовала мой взгляд на своем затылке и намеренно лишала меня возможности встретиться с ней глазами.

Это была война. Наша личная война. И я только начал изучать правила.

Я вышел на улицу и сел в «Джип». Мотор взревел, пробуждая ярость. Кто стоит за Джо и Пабло? Кто рискнул тронуть то, что находится под моим прикрытием? И была ли Изабелла случайной свидетельницей или частью чьего-то плана?

Нет. Она была слишком чистой для этого дерьма. И именно это делало её самой опасной переменной. Девушка, которая не боится капо, которая смеет смотреть ему в глаза и спрашивать о собственности... она может разрушить империю одним словом. Или одним взглядом с того проклятого пляжа.

Я развернул машину в сторону портового склада. Джо Санчес ждал меня. Но в голове, как заезженная пластинка, крутился её голос: «Или тебе просто не нравится, что я не принадлежу тебе?»

И я, человек, который привык владеть всем, к чему прикасается, впервые не знал ответа.

Глава 9. Изабелла.

Карандаш замер над эскизом. Грифель с сухим треском крошился, оставляя на ватмане уродливую черную точку, похожую на след от пули. Я смотрела на штрихи интерьера, но видела не панорамные окна и не благородную фактуру тикового дерева. Я видела пустоту. Черный зеркальный экран телефона, лежащего на краю стола, фонил безмолвной, почти физической угрозой.

Три дня.

Семьдесят два часа тишины, от которой в ушах стоял непрекращающийся звон. Мики исчез. Растворился, как сигаретный дым в калифорнийском тумане. Ни идиотских мемов в три ночи, ни коротких «как ты, малышка?». Бар закрыт, ставни опущены, будто там никто никогда не жил. Я ходила туда вчера, колотила в дверь, пока костяшки не заныли, но ответом мне был только шум океана за спиной. Тот самый океан, который раньше казался мне другом, теперь выглядел как соучастник преступления.

В голове, как на заезженной пленке, крутилась карусель из обрывков. Ледяной взгляд Дина на пляже. Его широкая спина, исчезающая в темноте коридора после того глухого выстрела. И ложь Мики. «Срочный проект, малышка. Уеду на пару недель». Ложь, пропитанная страхом. Я чувствовала этот запах страха даже через его напускную веселость в последнем голосовом.

— Изабелла?

Голос прорезал вату моих мыслей. Я вздрогнула, случайно смахнув карандаш со стола. В дверях кабинета стояла миссис Клейтон, наш старший менеджер. Её безупречная «ракушка» на голове и натянутая улыбка обычно предназначались только для чеков с шестью нулями.

— Ты с нами, дорогая? — она процокала внутрь, прижимая к груди папку так, словно там лежали чертежи ковчега.

— Да, я... просто застряла на освещении для лофта, — соврала я, наклоняясь за карандашом, чтобы скрыть дрожь в пальцах. — Сложная геометрия.

— Оставь лофт, — отмахнулась она, и в её глазах вспыхнул такой восторг, что мне стало не по себе. — У меня новости, от которых ты просто обязана упасть в обморок. Спонсоры посмотрели финальные рендеры «Лазурного берега». Вилла у океана. Твой проект.

Я выпрямилась. Это было мое детище – проект, в который я вложила всю свою тоску по недостижимой Италии.

— И что? — сердце пропустило удар. На секунду профессиональный азарт вытеснил тревогу за Мики.

— Они в восторге, Иза! Говорят, это лучшая работа студии за пятилетку. Чистая эстетика, воздух, первобытный шик. Мистер Харрис требует тебя к себе. Прямо сейчас.

Харрис? Наш босс редко спускался к смертным, если только не планировал массовое увольнение.

— Он ждет. Говорит, нужно обсудить «перспективы особого порядка». Иза, это твой золотой билет. Партнерство, личный бренд... понимаешь?

На мгновение узел в моем животе разжался. Я дизайнер. Я создаю миры из бетона и света, а не разгребая криминальное дерьмо. Это моя реальность. Настоящая.

— Я сейчас, — выдохнула я, хватая пиджак.

— Беги! — подмигнула Клейтон

— И поправь помаду. Ты выглядишь так будто не спала неделю.

Если бы ты знала, милая, почему я не сплю.

Коридор до кабинета босса казался взлетной полосой. Я шла, и с каждым шагом уверенность возвращалась. Я заслужила это. Я работала ночами, я спорила с инженерами, я выгрызала каждый сантиметр этого пространства.

Секретарь Харриса кивнула мне, даже не спрашивая имя, и распахнула массивную дубовую дверь.

— Изабелла, — он обернулся. Седой, подтянутый, с глазами хищной рыбы. Но сегодня в них плескалось довольство. — Проходи, присаживайся.

Я села на край кресла, стараясь держать спину прямо.

— Миссис Клейтон сказала...

— Клейтон слишком эмоциональна, но в одном она права, перебил он, садясь напротив и складывая пальцы домиком. — Вилла получилась шедевром. Заказчик впечатлен. Редко бывает, чтобы видение дизайнера так точно совпало с желаниями... столь требовательного человека.

— Я рада, что клиенту понравилось, — дежурно ответила я, хотя внутри все пело.

— Понравилось не то слово. Он хочет инвестировать в серию подобных проектов. И он хочет, чтобы их вела именно ты.

— Я? — голос предательски дрогнул.

— Ты. Твой стиль, твое чувство пространства. Он назвал это... «интеллектуальной сексуальностью в камне». — Харрис усмехнулся, словно цитировал шутку, понятную только избранным. — Этот проект был для мистера Винсента. Очень влиятельный человек. Теневой инвестор, сфера недвижимости, логистика... Связи на таком уровне, куда мы обычно не заглядываем.

Фамилия Винсент мне ничего не говорила. Очередной богач, желающий спрятать свои деньги в бетон и стекло. Какая разница, если это дает мне билет в высшую лигу?

— Это огромная честь, мистер Харрис. Я готова обсудить детали.

— Разумеется, — Харрис бросил взгляд на часы. — Собственно, он настоял на личной встрече. Он не терпит посредников, когда дело касается его... личного комфорта.

— Он здесь? — я напряглась. Встреча с заказчиком такого уровня требовала подготовки, а я была в старых брюках и с кругами под глазами, которые не скрыл даже консилер.

— Войдите! — крикнул Харрис, расплываясь в самой широкой улыбке, на которую был способен.

Я не обернулась сразу, но воздух в кабинете мгновенно изменился, став плотным и тяжелым. Запах дорогого табака и старых сигар Харриса был бесцеремонно вытеснен ароматом, который не просил разрешения, он просто забирая себе всё пространство. Это был запах ледяного кедра и свежесрубленного кипариса, такой резкий и чистый, словно кто-то распахнул окно в морозную хвойную ночь. Но под этой древесной коркой скрывалось нечто иное — дымный, почти сакральный ладан. Так пахнет в старых храмах перед началом службы: торжественно, холодно и пугающе. Это был аромат власти, не имеющей границ, и опасности, облаченной в безупречный крой.

— А вот и он, — голос Харриса стал почти елейным. — Изабелла, позволь представить нашего стратегического клиента. Мистер Дин Винсент.

Мир качнулся. Я медленно, словно в замедленной съемке, повернулась в кресле. Дин стоял в дверном проеме, буквально поглощая собой всё пространство комнаты. Идеально скроенный темно-синий костюм сидел на нем как вторая кожа, подчеркивая ту самую звериную мощь, которую не мог скрыть никакой текстиль. Белоснежная рубашка, расстегнутая на одну пуговицу, открывала вид на шею. Но его глаза... Холодные. Насмешливые. В них не было ни грамма узнавания. Он смотрел на меня так, словно видел впервые, как удачно подобранную фактуру для своего нового дома.

— Мисс... — он сделал паузу, смакуя тишину, и от этого низкого бархатного голоса по моему позвоночнику пробежал разряд тока. — Изабелла. Наслышан о вашем исключительном таланте.

Он шагнул в кабинет, и мне показалось, что стены сдвинулись, запирая меня в клетке с тигром, который научился завязывать галстук.

— Дин... — вырвалось у меня шепотом.

Харрис, сияя, ничего не заметил:

— Рад, что вы уже на одной волне!

Дин остановился напротив меня и протянул руку. Его ладонь была широкой, сильной. Той самой, что держала пистолет. Той самой, что сжимала мою талию на песке.

— Мистер Винсент, — поправил он мягко, но в его глазах сверкнула сталь. — Для вас, Изабелла, можно просто Дин. Рад нашему... официальному знакомству.

Я смотрела на его руку как на взведенный курок. Ноги приросли к ламинату.

— Итак, — Харрис потер ладони. — Мистер Винсент планирует застройку целой линии побережья. Концепция «экологичного люкса». И ваша работа стала тем самым камертоном, который задал тон всей симфонии.

Я сидела, вцепившись в ручки кресла так, что пальцы побелели. Дин занял место напротив, расслабленно закинув ногу на ногу. Его пиджак натянулся на плечах, напоминая о том, какая сила скрыта под этой роскошью. Он не смотрел на Харриса. Он смотрел на меня. Прямо, не мигая, с легкой полуулыбкой, которая была острее ножа.

— Камертон, — повторил он, пробуя слово на языке. — Инструмент, по которому настраивают всё остальное. Вы чувствуете себя инструментом, Изабелла?

Вопрос был ударом под дых. «Ты всего лишь кукла в моей игре», — слышала я между строк.

— Я чувствую себя профессионалом, мистер Винсент, — холодно отрезала я, вскидывая подбородок. — Моя работа — создавать пространство, а не просто «звучать».

— О, — его бровь иронично изогнулась. — Пространство — это важно. Но иногда тишина в этом пространстве говорит громче любых слов. Не так ли? Вы ведь цените тишину?

Он напоминал мне о той ночи. О тишине за дверью спальни. О тишине на пляже. Харрис, ничего не подозревая, радостно закивал:

— Именно! Тишина и приватность — это то, что мы продаем!

В этот момент телефон Харриса разразился звонком. Он глянул на экран и изменился в лице.

— Прошу прощения. Лондон, инвесторы. Я обязан ответить, это вопрос жизни и смерти. Изабелла, покажи Дину эскизы спальни. Ему была крайне интересна фактура стен.

Дверь за ним захлопнулась, отрезая нас от остального мира. Секунда тишины показалась вечностью. Воздух в кабинете сгустился до состояния ртути. Дин медленно поднялся. Он не пошел к эскизам. Он обошел стол и сел на край стола Харриса, прямо рядом со мной, нависая темной скалой.

— Фактура стен, — протянул он задумчиво, скользя взглядом по моему лицу, вниз к шее, задерживаясь на вырезе блузки. — Харрис идиот, но вкус у него есть. Ты действительно чертовски талантлива, Рыжая.

— Не смей меня так называть, — прошипела я, вскакивая. Стул с грохотом отъехал назад. — Какого черта ты здесь делаешь, Дин?

— Покупаю, — просто ответил он. — Я бизнесмен. Я всегда покупаю лучшее. Твой проект попался мне на глаза, и я оценил размах. Но когда я узнал имя дизайнера... пазл сложился слишком красиво, чтобы я мог отказать себе в удовольствии.

— Ты знал? — я задохнулась от ярости. — Ты знал, что это я, и пришел сюда поиздеваться?

— Я пришел нанять лучшего специалиста. А то, что у этого специалиста такие... аппетитные формы и столь острый язык – это лишь приятный бонус к контракту.

Он наклонился ближе. Его запах окутал меня, парализуя волю. Это было подло. Нельзя быть таким пугающим и таким притягательным одновременно.

— Где Мики? — выпалила я.

Лицо Дина мгновенно превратилось в гранитную маску. Вся игривость исчезла.

— Мики занимается делами. Взрослые мальчики иногда уезжают, Иза. Не стоит так нервничать.

— Он не отвечает три дня! Что ты с ним сделал?

Дин шагнул ко мне, сокращая дистанцию до нуля. Я уперлась бедрами в стол, отступить было некуда. Он положил руки на край стола по обе стороны от меня, запирая в ловушку своего тела.

— Если бы я что-то с ним сделал, ты бы узнала первой, — его голос понизился до вибрирующего шепота. — Перестань истерить. С твоим дружком всё в порядке. Он вернется, когда станет чуть умнее. А пока... пока ты здесь. Со мной.

— Я не с тобой, — выдохнула я, чувствуя жар, исходящий от него. — Я работаю на компанию.

— Ты работаешь на того, кто платит, — он наклонился к самому моему уху, его дыхание опалило кожу. — А теперь плачу я. И я плачу очень много. Ты будешь проектировать мои дома, Изабелла. Ты будешь выбирать шелк для моих простыней и камень для моих душевых. Ты будешь думать о том, как мне будет удобно в этих комнатах. Каждую чертову секунду своего рабочего времени. И не только рабочего.

Меня бросило в жар. Его слова были грязными, двусмысленными, но звучали как абсолютный закон.

— Я откажусь, — мой голос дрогнул.

— Не откажешься, — он чуть коснулся носом моей шеи. — Потому что ты хочешь знать правду. Про Мики. Про меня. И потому что... — его рука медленно скользнула по столу и накрыла мою ладонь, сжимая властно и горячо. — Потому что тебя тянет ко мне так же сильно, как меня к тебе. Я видел это на пляже, Рыжая. Твои соски под мокрой тканью не умеют врать так хорошо, как твои губы.

Я вспыхнула, как спичка. Хотела вцепиться ему в щеку, хотела оттолкнуть, но тело предало меня. Ноги стали ватными, а внизу живота скрутило сладким спазмом.

Дверь распахнулась.

Дин мгновенно отпрянул, приняв вид человека, глубоко заинтересованного картой на стене. Я судорожно схватила стакан с водой, стараясь унять дрожь.

— Отличные новости! — Харрис влетел в кабинет, сияя как начищенный пятак,

— Лондон дает добро на расширение бюджета! Дин, мы можем начинать хоть завтра.

— Прекрасно, — Дин повернулся, его лицо было непроницаемой маской делового человека. — Но у меня есть условие.

— Какое угодно!

— Изабелла становится ведущим дизайнером всей сети. Личный контроль. Полная занятость только на моих объектах. И... — он бросил на меня короткий, обжигающий взгляд. — Регулярные выезды на объекты. Виллы строятся в уединенных местах, мне нужно, чтобы дизайнер чувствовал атмосферу. Погружение в среду, так сказать.

— Я... я не уверена, что смогу, — выдавила я. — У меня другие проекты... — Изабелла, — голос Харриса стал стальным. — Это контракт века. Другие проекты мы передадим стажерам. Ты не можешь отказаться. Это приказ. И повышение зарплаты втрое.

Я посмотрела на Дина. Он стоял, скрестив руки на груди, и в его глазах плясали черти. Он знал, что я не смогу сказать «нет». Не из-за денег. Не из-за Харриса. А потому что он держал ключи от всех тайн, которые мучили меня.

— Хорошо, — тихо сказала я. — Я согласна.

— Отлично! — Харрис хлопнул в ладоши. — Марта принесет бумаги. Подписываем сейчас же.

Дин взял ручку и подписал договор размашисто, не глядя. Потом протянул ручку мне. Наши пальцы снова соприкоснулись. Его кожа была горячей и сухой.

— Добро пожаловать в команду, Изабелла, — сказал он так тихо, что слышала только я. — Это будет незабываемо.

Я подписала контракт, чувствуя, как подписываю приговор своей спокойной жизни. Когда я вышла из кабинета, ноги подкашивались. В сумочке лежал договор, тяжелый, как надгробная плита. Уединенные виллы. Поездки. Дин.

Я попала. Окончательно и бесповоротно. И самое страшное было не в том, что я боялась его. А в том, что я до безумия хотела узнать, что будет дальше.

Глава 10. Изабелла.

Коридор плыл перед глазами, стены сжимались. Я шла к своему столу, но ног под собой не чувствовала. Внутри всё клокотало – адская смесь из злости, унижения и... того темного, липкого жара, который он разбудил одним прикосновением.

«Твои соски под мокрой тканью не умеют врать».

Ублюдок. Самовлюбленный, наглый ублюдок. Как он смел говорить со мной так? В кабинете босса, под носом у Харриса, который готов был продать меня вместе с офисной мебелью за этот контракт. Я ненавидела его. Ненавидела эту его уверенность, что мир – это его личная шахматная доска. И ненавидела себя за то, что мои пальцы до сих пор горели там, где их коснулась его рука. Я свернула за угол к лифтам, мечтая только об одном: забиться в свой кабинет, выпить холодной воды и стереть этот день из памяти.

— Не так быстро, Рыжая.

Сильные пальцы сомкнулись на моем локте, разворачивая меня с такой легкостью, будто я ничего не весила. Меня впечатало спиной в стену рядом с пожарным выходом.

Дин.

Он стоял слишком близко. Непростительно близко для офисного коридора. В глазах плясали те самые дьявольские искры, от которых хотелось бежать и одновременно стоять на месте.

— Отпусти меня! — прошипела я, пытаюсь вырвать руку. Но его хватка была стальной.

— У нас дела, — он даже не шелохнулся. — Объект ждет.

— Какой к черту объект?! — я почти кричала шепотом, оглядываясь по сторонам. — Я только что подписала бумаги! Мне нужно собрать вещи, предупредить команду, у меня встреча с поставщиками через час!

— Харрис всё отменил, — Дин нагло уперся ладонью в стену над моей головой, отрезая путь к отступлению. — Твои поставщики подождут. Мои виллы — нет. Машина внизу. Едем.

— Я никуда с тобой не поеду прямо сейчас! У меня рабочий день до шести!

— Твой рабочий день теперь — это я, Изабелла. Двадцать четыре на семь, если понадобится. Читай мелкий шрифт в контракте, принцесса.

Его лицо было в сантиметрах от моего. Я видела каждую пору на его слегка загорелой коже, каштановые ресницы, жесткую линию челюсти. Он пах властью и опасностью, и этот запах дурманил, сбивал с толку.

— Ты не можешь просто так похищать меня с работы! — я уперлась ладонями в его грудь, пытаюсь оттолкнуть. Под тонкой тканью рубашки перекачивались твердые, как камень, мышцы. Сердце под моей ладонью билось ровно, мощно.

— Похищать? — он усмехнулся, и эта улыбка была порочной. — Я везу своего ведущего дизайнера на осмотр объекта. Всё официально.

— Дин, стой! Моя сумка, телефон...

— Всё в машине. Я попросил твою секретаршу всё собрать.

Я задохнулась от возмущения. Он продумал всё. Каждую секунду. Он играл мной, как кошка с полуживой мышью, и, судя по его хищной ухмылке, наслаждался процессом.

— Дуешься? — его голос нарушил тишину, низкий, вибрирующий в самой грудной клетке. Он вел машину одной рукой, расслабленно и уверенно, пока вторая рука лежала на подлокотнике, всего в паре сантиметров от моего колена.

— Я планирую твое убийство, — буркнула я, не поворачиваясь. — Причем с особой жестокостью.

— Мм, амбициозно. Но тебе не пойдет тюремная роба, Рыжая. Хотя оранжевый подчеркнет пламя в твоих волосах.

— Прекрати меня так называть! — я резко повернулась к нему. — У меня есть имя. И прекрати вести себя так, будто между нами... что-то есть.

Дин бросил на меня быстрый взгляд, от которого всё внутри предательски сжалось. Его глаза скользнули по моим ногам, поднялись к груди, которая вздымалась от гнева, и остановились на губах.

— А между нами ничего нет? — тихо спросил он.

В машине стало невыносимо жарко. Воздух наэлектризовался так, что, казалось, коснись я обшивки – посыплются искры.

— Мы деловые партнеры, — мой голос прозвучал жалко. — Ты заказчик. Я исполнитель. Всё.

— Исполнитель, — он смаковал это слово, перекачивая его на языке с пугающим удовольствием. — Мне нравится, как это звучит. Ты будешь исполнять... все мои замыслы.

— Ты невыносим! — я снова отвернулась к окну, чувствуя, как пылают щеки. — Зачем тебе всё это? Зачем ты втянул меня в эту игру? Это из-за Мики? Хочешь держать его на поводке через меня?

Машина резко вильнула, но Дин мгновенно выровнял руль.

— Не смей приплетать сюда Микеле, — его голос стал ледяным, как лезвие ножа. — Это касается только нас. Тебя и меня. Ты нужна мне, Изабелла. Твой взгляд на пространство. Твой талант. И... твоя реакция.

— Какая реакция?

— Эта.

Он вдруг протянул руку и коснулся пальцами моей шеи, прямо там, где бешено колотился пульс. Я вздрогнула, но тело словно приросло к сиденью. Его пальцы, пахнущие смолистым кедром, были грубыми и горячими. Он провел ими по линии моей челюсти, задев большим пальцем нижнюю губу.

— Ты горишь, когда злишься. И мне это чертовски нравится.

Я замерла, не в силах выдохнуть. Его прикосновение было как клеймо. Мы летели по трассе на скорости сто миль в час, но мне казалось, что мир схлопнулся до размеров этого кожаного салона.

— Приехали, — резко бросил он, убирая руку.

Вилла стояла на самом краю утеса, нависая над океаном, как бетонный скелет. Дикое, необузданное место. Идеальное отражение его самого. Я вышла из машины, сжимая планшет с чертежами как единственный щит. Ветер тут же растрепал мои волосы, бросая их мне в лицо. Океан внизу ревел, разбиваясь о скалы в белую пену.

— Ну? — Дин подошел сзади. Я чувствовала его жар спиной. — Что скажешь, дизайнер?

— Здесь... мощная энергетика, — я старалась говорить максимально профессионально, хотя сердце всё еще исполняло чечетку.

— Нужно много панорамного стекла. Максимум воздуха. Мы должны стереть границу между домом и стихией.

— Стереть границы... — повторил он, вставая рядом. Слишком близко. Его плечо касалось моего. — Мне нравится эта концепция.

— В гостиной я бы поставила камин. Грубый, необработанный камень, живой огонь. Чтобы уравновесить холод воды снаружи. Я хаотично водила пальцем по экрану, пытаюсь сосредоточиться на осях и размерах, но Дин не смотрел на планшет. Он смотрел на меня.

— А спальня? — спросил он вкрадчиво.

— Спальня на втором этаже. Вид на закат.

— Большая кровать?

— Стандартная king-size, — я слотнула, чувствуя, как во рту пересохло.

— Мне нужно много места, Изабелла. Я сплю беспокойно. И я крайне не люблю спать один.

Я резко повернулась к нему, готовая высказать всё, что думаю о его намеках.

— Это уже не касается проекта!

— Всё касается проекта, — он сделал шаг, загоняя меня к самому краю бетонной плиты террасы.

Ветер трепал его рубашку, открывая вид на сильную грудь. В этом месте он выглядел как бог разрушения – опасный и совершенный.

— Дин, перестань, — прошептала я. — Мы здесь по делу.

— Именно. Ты изучаешь пространство. Я изучаю тебя.

Он протянул руку и медленно намотал прядь моих волос на палец, притягивая меня к себе. Я могла бы оттолкнуть его. Могла бы ударить. Но я стояла, замороженная абсолютной тьмой в его глазах.

— Знаешь, почему я выбрал тебя? — его губы были в миллиметре от моих.

— Из-за... портфолио?

— К черту портфолио. Я выбрал тебя, потому что ты единственная, кто не боится смотреть в бездну. Ты видела кровь, Иза. Ты видела меня настоящего той ночью. И ты не убежала.

— Я боюсь тебя, — честно призналась я, глядя в этот штормовой океан его глаз. — Бойся, — выдохнул он мне в губы. — Это правильно. Страх обостряет чувства. Он делает вкус жизни... острее.

И в тот момент, когда я уже готова была закрыть глаза и сдаться этой тяге, телефон в его кармане взорвался резкой трелью. Дин замер. Он выругался грязно, по-итальянски, и неохотно отпустил меня.

Взгляд на экран – и его лицо изменилось за секунду. Вся страсть испарилась, уступив место холодному, расчетливому капо.

— Да, — рявкнул он. — Что?!

Пауза затянулась. Дин смотрел на меня, но я видела, что его мысли уже за тысячи миль отсюда.

— Живой? — коротко спросил он. — Где?

Еще одна пауза, от которой у меня по холодели кончики пальцев.

— Никого не трогать. Я еду. Если хоть волос с его головы упадет до моего приезда — я скормлю вас всех рыбам. Поняли меня?

Он сбросил вызов и посмотрел на меня. В его глазах была тьма. Абсолютная, непроглядная тьма.

— Садись в машину, Изабелла. Быстро.

— Что случилось? — меня затрясло. — Дин, кто звонил?

— Твой дружок нашелся, — он схватил меня за руку и потащил к внедорожнику почти бегом. — И у него, черт возьми, проблемы такого масштаба, которые даже я не уверен, что смогу разгрести.

— Мики? Что с ним?! Дин распахнул дверь и буквально запихнул меня на сиденье.

— Молись, чтобы мы успели, — бросил он, захлопывая дверь с таким звуком, будто заколачивал крышку гроба. — Потому что то, во что вляпался Микеле, пахнет не долгами, а концом.

Глава 11. Дин.

Мы летели по трассе так, будто за нами гнался сам дьявол, и я не была уверена, что он не сидит сейчас на водительском сиденье. Дин молчал. Его профиль, застывший в свете приборной панели, казался высеченным из гранита. Пальцы на руле побелели, челюсть сжата так, что желваки ходили ходуном.

— Куда мы едем? — спросила я в третий раз. Голос сорвался, превратившись в жалкий шепот.

Дин не удостоил меня даже взглядом.

— Туда, где твой «брат» решил закончить свою дешевую сказку.

Слова резанули по животу. Внутри вскипела злость — мой единственный щит.

— Не смей говорить о нем так! Ты ничего не знаешь...

Дин усмехнулся. Это был сухой, безрадостный звук.

— Увидишь всё сама. Тогда и решишь, кто из нас имеет право на истину.

Дорога свернула с освещенного шоссе в промышленную зону. Фонари кончились, уступив место ржавым заборам и глухим стенам складов. Океан был где-то рядом, но здесь он пах не свободой, а гнилью и сырым бетоном. Мы затормозили у низкого здания. Над входом нервно моргала одинокая лампа.

— Сиди в машине, — отрезал Дин.

— Я не собака, чтобы выполнять команды! — я уже дернула ручку двери. Он резко вернулся ко мне. В его глазах штормовая синева и такая первобытная власть, что у меня на мгновение перехватило дыхание.

— Ты не понимаешь, куда приехала, Изабелла. Здесь слова не лечат. Здесь либо платят, либо умирают.

— А Мики? — прошептала я. — Он жив?

Дин выдержал паузу, которая показалась мне вечностью.

— Пока да.

Этого «пока» хватило, чтобы я выскочила вслед за ним. Мои каблуки стучали по асфальту слишком громко, выдавая мой страх всему миру. Дин распахнул железную дверь без стука. Внутри пахло дешевым табаком, плесенью и металлом.

И тогда я увидела его.

Мики сидел на грязном полу у стены. Его руки были связаны за спиной, запястья стерты в кровь. Лицо — сплошное месиво из синяков и кровоподтеков. Но страшнее всего были его глаза. В них больше не было наглости или веселья. Только мокрая, жалкая пустота человека, который понял, что поставил на кон то, что ему никогда не принадлежало.

— Мики... — выдохнула я, делая шаг вперед.

Он дернулся, и в этом движении было столько животной надежды, что мне стало тошно.

— Иза... — прохрипел он. — Малышка... прости...

Слева, в тени, поднялись две фигуры. Мужчины. Темные куртки, тяжелые ботинки, лица с ленивыми улыбками людей, которые привыкли смотреть, как чужая боль превращается в развлечение.

Я не знала их имен, но я помнила их запах — запах угрозы, от которого кожа становится слишком тонкой.

— О, глянь-ка, — протянул один, с латиноамериканским акцентом.

— Принцесса всё-таки пришла. Я же говорил, Пабло, у нашего друга отличный вкус на «товар».

Дин встал так, чтобы полностью закрыть меня собой. Его спина казалась непреодолимым барьером.

— Вы слишком много болтаете, — спокойно произнес он. — Я пришел закрыть вопрос. Пабло ухмыльнулся, поигрывая ножом.

— Ты пришел забрать своего должника? Поздно. Микеле предложил нам очень интересный вариант погашения кредита.

Холод начал медленно подниматься от моих стоп к самому сердцу.

— Какой вариант? — мой голос прозвучал чужим.

Мики зажмурился, вжимаясь в стену. Дин не оборачивался, но я чувствовала, как напряглось каждое волокно в его теле.

— Скажи ей, Микеле, — приказал Дин. Тихо. Смертоносно. — Скажи прямо сейчас.

— Дин... не надо... — всхлипнул Микеле.

Пабло рассмеялся, обнажая желтые зубы.

— Ой, да не ломайся! Он хотел закрыть долг тобой, красотка. Сказал: «Возьмите её. Она чистая, у неё работа, деньги, связи. Делайте, что хотите, только меня отпустите». Он даже адрес твой дал. И время, когда ты возвращаешься из студии.

Я не сразу поняла смысл. Как будто слова были на другом языке. Потом дошло.

Мир не рухнул, он просто стал пустым, как выбитое окно. Воздух вышел из меня. В груди стало тихо, слишком тихо.

— Мики... — я сказала это не громко. Без истерики. Слишком спокойно.

Он открыл глаза. И в этих глазах было то, чего я никогда у него не видела: Стыд. Настоящий. Уродливый.

— Я... я думал... — он сглотнул. — Я не хотел. Они... они сказали, что просто поговорят. Я... я хотел выиграть время. Я хотел... я хотел всё исправить...

— Ты продал меня? — я чувствовала, как мои руки начинают мелко дрожать. — Ты привел их ко мне?

Он зарыдал. Реально, по-настоящему, как человек, у которого больше ничего не осталось.

— Прости, малышка... прости... Я не знал, что делать...

Меня накрыло волной отвращения — не к нему даже. К себе. К тому, как я верила. Как смеялась над его пошлыми шутками и называла его семьей. Семья не продает. Семья не отдает твою свободу за шанс прожить еще один день.

Дин не произнес ни слова сочувствия. Он просто повернулся к мексиканцам. Его спокойствие пугало больше, чем любой крик.

— Сколько? — спросил он. Один из них прищурился, оценивая ситуацию.

— Десять он был должен. Но теперь... Рыжая — товар эксклюзивный. Цена выросла. Пятьдесят.

Я вздрогнула. Пятьдесят тысяч. Столько стоила моя жизнь, моя честь и моя свобода в этом вонючем складе.

— Хорошо, — Дин кивнул, словно речь шла о покупке офисной мебели. Мексиканец моргнул, не ожидая такой легкости.

— Вот так просто?

— Вот так просто, — Дин достал телефон — Перевод сейчас. Но сначала — бумага.

— Какая бумага? — мужчина напрягся.

Дин улыбнулся впервые. И эта улыбка была холодной.

— Та, где вы считаете, что имеете право на неё. Отдайте мне всё, что он подписал. И то, что вы собирались заставить подписать её.

Пабло шагнул ближе.

— А если нет?

Дин поднял на него глаза и я увидела, как Пабло замер. Не от слов. От взгляда.

— Тогда вы выйдете отсюда без ног, — спокойно сказал Дин. — А Микеле выйдет отсюда без головы. Выбирайте, парни. Я сегодня в настроении экономить время.

Тишина стала плотной, как бетон.

Пабло сплюнул в сторону, ругнулся себе под нос и махнул рукой кому-то в глубине склада. Через минуту ему сунули толстый конверт. Он бросил его Дину.

— Держи. Только потом не жалуйся, что купил проблему.

Дин поймал конверт одной рукой. Второй вбил что-то в телефоне. Экран коротко вспыхнул.

Деньги ушли, — сказал он. — С этого момента вы её не видели. Никогда. Если я услышу хоть шепот её имени в вашем кругу – вы лишитесь своих жизней.

Пабло ухмыльнулся, но улыбка вышла дерганой.

— Забирай свою рыжую. И своего «брата» тоже. Хотя... — он кивнул на Мики. — Я бы выкинул.

Дин подошел к Мики. Сел на корточки перед ним. Их лица оказались на одном уровне.

— Ты жив только потому, что она ещё не решила, кем ты для неё был, — сказал Дин тихо. — И потому что я не люблю шум.

Мики дрожал.

— Дин... я... я всё отдам... я отработаю...

Дин резко дернул его за ворот, приблизив к себе.

— Ты ничего не отработаешь. Ты уже заплатил.

Он выпрямился и повернулся ко мне. Я стояла, как вкопанная. Руки холодные. Ладони липкие. Я не плакала – слезы будто застряли где-то глубоко, в стыде. Дин подошел ближе. Остановился так, чтобы я видела только его, а остальное размазалось по краям.

— Посмотри на меня, Изабелла, — приказал он. — Ты хочешь знать, что будет дальше? — спросил он так, будто предлагал подписать ещё один контракт.

Я молчала.

Он вытащил из конверта листы. Повернул их ко мне. Там были цифры, подписи, какие-то строки. Доказательство того, что мою свободу можно было засунуть в бумажный конверт.

— Это теперь у меня, — сказал он. — Это значит: Тебя больше никто не тронет без моего разрешения.

Я сглотнула.

— А ты? — едва слышно. — Ты... тронешь?

Он наклонился, так близко, что я почувствовала тепло его дыхания на губах.

— Я уже тронул, — сказал он. — В тот момент, когда решил тебя забрать. Разница в том, что я не покупаю женщин ради развлечения. Я покупаю безопасность. Контроль. Тишину.

Его пальцы сомкнулись на моей талии – тяжелые, властные. Не ласка. Захват. Как ремень безопасности, который не спрашивает, хочешь ли ты пристегнуться.

— С сегодняшнего дня ты моя должница, — произнес он. — И ты будешь делать то, что я скажу. Потому что иначе эти листы окажутся снова у тех, кто называет тебя товаром.

Я дернулась, как от удара.

— Я не вещь.

— Нет, — согласился он, и в глазах мелькнуло что-то опасно-честное. — Ты слабое место. И я не отдам его никому.

За моей спиной раздался всхлип Мики.

— Иза... — выдохнул он. — Пожалуйста... не уходи...

Я повернулась к нему, и внутри всё оборвалось. Он сидел на полу, в грязи, избитый, с глазами щенка, которого сбила машина. И я вдруг ясно поняла: Я не смогу больше назвать его другом. Не смогу. Даже если прощу, слово не вернется.

— Пойдем, — Дин сжал мою талию сильнее. — У тебя больше нет причин оставаться здесь.

Я отвернулась от Микеле. С каждым шагом по грязному бетону я чувствовала, как во мне умирает наивная девчонка, которая верила в дружбу. Дверь склада закрылась, отсекая прошлое.

Глава 12. Дин.

Руль в ладонях был гладким и холодным, а внутри всё скрежетало, как металл по кости. Она молчала всю дорогу от склада. Не плакала. Не истерила. Не задавала тех пустых вопросов, которые обычно сыплют женщины, когда их мир ломают об колено. Она просто сидела рядом – ровная спина, взгляд в одну точку, пальцы сжаты так, будто ногти вот-вот прорежут кожу. И от этого молчания мне хотелось пробить кулаком лобовое стекло.

Война – понятная вещь. Там есть враг, цель и исход. А вот эта тишина... она была как прицел, который Изабелла держала на мне, даже не поднимая глаз. Я бросил короткий взгляд в зеркало. Её лицо в темном отражении было бледнее обычного, губы – тонкой, решительной линией. Рыжие волосы, собранные кое-как, всё равно полыхали в полумраке, как пламя на ветру. Я видел таких людей. Не тех, кто орет от боли, а тех, кто молчит – и потом либо живет дальше, либо сжигает чужую жизнь так же тихо. Мне нравился её характер. И в этом была главная проблема.

— Ты... заплатил пятьдесят тысяч просто так? — её голос наконец прорезал воздух, как бритва.

«Просто так». Слово, от которого захотелось усмехнуться, но мышцы лица не пошевелились.

— Не просто так, — отрезал я. — Я заплатил за то, чтобы твое имя больше никогда не произносили там, где люди торгуются за мясо.

Она дернула головой, словно я ударил её словом «мясо».

— Я не «мясо». Я... — она запнулась, подбирая слова. — Я человек.

— Ты человек, Изабелла. Но не для них.

Она повернулась ко мне резко, и я почувствовал её взгляд, как лезвие под ребро. — А для тебя? Кто я для тебя, Дин?

Слишком хороший вопрос для этой ночи.

— Для меня ты — проблема, Изабелла.

Она горько усмехнулась, глядя в окно.

— Спасибо. Очень романтично.

— Я не романтик.

— Заметно.

Мы въехали в город. Свет фонарей упал на её лицо, и я увидел, как у неё дрогнули ресницы. Она держалась из последних сил, чтобы не рассыпаться на куски прямо здесь, на моем пассажирском сиденье. Я ненавидел Микеле в эту секунду с такой ясностью, что это было почти приятно. Ненавидел его не за долги и не за глупость. А за то, что он сделал её взгляд таким — мертвым и колючим.

— Куда ты меня везешь? — спросила она глухо.

— Домой.

— К моему дому?

Я промолчал на секунду дольше, чем следовало.

— Да.

Слишком быстро. Слишком мягко. Я был сам себе противен за эту уступку. Она, кажется, почувствовала мою слабость.

— И что дальше? — тихо спросила она. — Ты привезешь меня, закроешь дверь и скажешь: «Сиди, должница»?

— Дальше ты спишь. Завтра — работа.

— Какая, к черту, работа?! — она раздраженно выдохнула. — Ты думаешь, после этого я могу делать вид, что всё нормально?

Я повернулся к ней. В упор.

— Ты можешь делать что угодно. Но ты будешь жить. Поняла?

Её ноздри дрогнули.

— Не командуй мной.

— Я буду командовать, пока ты жива, — сказал я ровно. — Когда умрешь — можешь делать что хочешь.

Она застыла. Потом тихо, почти не слышно, выдохнула:

— Ты чудовище.

Я кивнул. Как факту, не требующему доказательств.

— Да.

Она взялась за ручку двери, но остановилась.

— Микеле... — имя застряло у неё в горле. Я видел, как она борется: назвать его «другом» — язык не поворачивается, а назвать «предателем» — слишком больно.

— Он жив, — сказал я коротко. — И если он хоть раз появится рядом с тобой без моего разрешения, я сломаю ему обе руки. Чтобы больше никого не приводил «поговорить».

Она вздрогнула, но не отступила.

— Ты не сделаешь этого.

— Поверь, Изабелла, еще как сделаю.

Она открыла дверь, и ночной холод ворвался в салон, вытесняя тепло.

— Завтра во сколько? — спросила она, не оборачиваясь.

Вот это мне понравилось. Не покорность. Сталь.

— Я сам заеду.

— Я не хочу, чтобы ты знал, где я живу.

Я не выдержал и усмехнулся. Она точно была в состоянии шока, раз забыла, что я только что припарковался у её подъезда.

— Поздно.

Дверь хлопнула. Я сидел еще минуту, глядя на её окна. На втором этаже загорелся свет. Потом погас. Тишина снова накрыла меня. Моя проблема. Моя личная, рыжеволосая проблема.

Я не привык ждать. В моем мире ожидание — это слабость, которую могут позволить себе только те, у кого нет власти. Но в семь утра я стоял перед её дверью, и в руке у меня были два черных кофе, которые уже начинали обжигать ладонь. Я постучал. Не вежливо, не робко — три четких, тяжелых удара, которые должны были поднять её с постели быстрее любого будильника. За дверью послышалась какая-то возня, глухой стук и чертыхание. Когда замок наконец щелкнул, на пороге появилась она.

Изабелла выглядела так, будто только что проиграла схватку с собственными снами. Рыжие волосы — всклокоченное облако, глаза заspanные, злые, а халат наспех запахнут, обнажая тонкие лодыжки. Она уставилась на меня так, словно я был судебным приставом, пришедшим описывать её имущество.

— Ты с ума сошел? — прохрипела она, откидывая прядь с лица. — Сейчас семь утра.

— Семь десять, — поправил я, бесцеремонно отодвигая её плечом и проходя внутрь. — Ты всё еще в пижаме. Плохо для ведущего дизайнера, у которого объект не ждет. Пей кофе.

Я поставил стаканы на маленький стол и обернулся. Квартира была маленькой, но в ней было слишком много «её». Повсюду наброски, образцы тканей, какие-то книги по архитектуре. Я прошел вглубь гостиной, чувствуя себя медведем в антикварной лавке. Всё вокруг пахло этим её чертовым парфюмом, мягким, цветочно-пудровым мускусом, который пробирался под кожу, заставляя забыть, зачем я здесь.

— Эй! Кто тебе разрешил здесь разгуливать? — она топала за мной босыми ногами, кутаясь в халат.

— Я плачу за твоё время, Изабелла. Значит, я имею право знать, в каких условиях рождаются мои чертежи, — я остановился у книжного стеллажа и вытащил какой-то альбом. — Палладио? Неплохо. Но слишком консервативно для того, что я хочу видеть на утесе.

Она выхватила книгу у меня из рук, сверкнув глазами.

— Не трогай мои вещи. И не смей критиковать мой вкус, пока я даже зубы не почистила.

— Тогда иди и чисти, — я развернулся к ней, сокращая расстояние. — Десять минут.

Изабелла фыркнула, как рассерженная кошка, и скрылась в ванной, с грохотом захлопнув дверь. Я остался один. Внутри всё зудело. Я ходил по её комнате, рассматривая детали её жизни. Фотография с Микеле на полке — они оба улыбаются, молодые, еще не знающие вкуса крови и предательства. Я сбросил её рамкой вниз. Нечего смотреть на это дерьмо.

Потом мой взгляд упал на открытый шкаф. На вешалке висело платье, которое она, видимо, готовила на сегодня. Слишком короткое. Слишком легкое.

Когда она вышла из ванной, уже более-менее похожая на человека, я ткнул пальцем в сторону шкафа.

— Это ты не наденешь.

Она замерла, прищурившись.

— Прости, что?

— Мы едем на стройку, Изабелла. Там бетон, пыль и рабочие, у которых гормоны зашкаливают. Надень джинсы. И что-нибудь, что закрывает ключицы.

— Ты серьезно? — она подошла к шкафу и демонстративно сняла платье. — Ты будешь диктовать мне, что носить? Ты моя мамочка?

— Я твой работодатель, — я сделал шаг к ней, нависая всем телом. — И я не хочу, чтобы мои люди отвлекались на твои ноги вместо того, чтобы заливать фундамент.

— Мои ноги — это не твоя проблема, Дин! — она вскинула подбородок, и её лицо оказалось в опасной близости от моего. Между нами снова возникло это странное, густое электричество. Она злилась так красиво, что мне стоило огромных усилий не схватить её за этот халат и не прижать к стене прямо здесь, среди её эскизов. Я видел, как она тяжело дышит, как подрагивают её ресницы. Изабелла попыталась пройти мимо меня в спальню, но зацепилась за край ковра. Она пошатнулась, и я инстинктивно поймал её за талию. Шелковая ткань халата скользнула под моими пальцами. Она оказалась слишком хрупкой, слишком теплой. На мгновение время застыло. Я чувствовал её бешеный пульс на своей ладони, видел, как её зрачки расширились, заполняя карий цвет. Неловкость превратилась в напряжение, которое можно было потрогать руками.

— Отпусти, — выдохнула она, но не двинулась с места.

Я разжал пальцы не сразу. Медленно, дюйм за дюймом, чувствуя, как внутри всё скручивается в тугий узел.

— Одевайся, — мой голос прозвучал как треск ломающегося льда. — Живо.

Я отошел к окну, давая ей пространство, но тишина в квартире не стала спокойнее — она вибрировала. Слышал, как в спальне хлопнула дверца шкафа, как зашуршала ткань. Каждое движение Изабеллы за стеной отзывалось у меня в голове четким ритмом.

Я подошел к её рабочему столу. Среди чертежей виллы валялись наброски совсем другого толка: женские силуэты в длинных прямых юбках, лаконичные пальто, какие-то вырезки из журналов девяностых. Стиль «тихой роскоши». Дорого, сдержанно и до чертиков ей подходило. Она не была одной из тех кукол, что обвешивают себя логотипами, чтобы казаться значимыми. Изабелла была ценностью сама по себе, даже если сейчас она натягивала джинсы в соседней комнате, проклиная меня на чем свет стоит.

— Ты долго там будешь шуршать? — крикнул я, рассматривая один из её эскизов. — Нам нужно быть на объекте через сорок минут. Бетон не умеет ждать, пока ты выберешь правильный оттенок помады.

— А ты не умеешь вести себя как приличный человек! — донеслось из-за двери. — Выйди из моей гостиной, ты портишь мне ауру!

— Твою ауру испортил Микеле, когда влез в долги. Я лишь пытаюсь сохранить то, что от неё осталось.

Дверь спальни распахнулась. Она выскочила оттуда, на ходу застегивая пуговицу на джинсах. На ней была простая белая футболка, но даже в ней она выглядела так, что у меня пересохло в горле. Раздраженная, взлохмаченная, с пылающими щеками.

Она бросилась к столу, пытаясь собрать свои папки, но вдруг Изабелла зацепилась ногой за ремешок своей сумки, стоявшей на полу, и по инерции полетела вперед, прямо на меня. Я не успел среагировать красиво. Просто подставил руки, и она врезалась в меня, уткнувшись носом в мою грудь. Её ладони инстинктивно вцепились в мои плечи, сжимая ткань рубашки. Воздух между нами мгновенно превратился в густой сироп. Я чувствовал, как она замерла, как её дыхание — прерывистое и горячее, опалает мою кожу через тонкий хлопок.

— Неуклюжая Рыжая, — прошептал я, не выпуская её из рук. — Ты всё время пытаешься упасть в мои объятия. Это такая стратегия?

Она подняла голову. В её глазах была не только злость, но и что-то еще... Какой-то странный, неосознанный вопрос. Мы стояли так слишком долго. Её грудь вздымалась, касаясь моей, и я чувствовал, как мой самоконтроль начинает медленно рассыпаться. Мне хотелось наклониться и проверить, какой на вкус этот вызов в её глазах.

Изабелла вдруг резко отстранилась, дернув плечом. Она выглядела так, будто её ударили током.

— Стратегия — это когда ты заходишь в чужой дом без приглашения, Дин. А это просто закон гравитации. Ты притягиваешь неприятности.

— Я притягиваю порядок, — я поправил манжеты, стараясь вернуть себе маску безразличия. — И сейчас этот порядок требует, чтобы ты взяла свои чертежи и пошла к машине.

Она схватила папку, задев рукой мой стакан с кофе. Несколько капель выплеснулось на её белую футболку, прямо на грудь.

— Черт! — она замерла, глядя на пятно. — Это всё из-за тебя! Ты меня дергаешь!

— Сама виновата, — я не удержался и скользнул взглядом по мокрой ткани, которая мгновенно стала полупрозрачной. — Не стой как вкопанная. Иди переодейся.

Она посмотрела на меня с такой ненавистью, что если бы взглядом можно было убивать, я бы уже лежал на её ковре.

— Ненавижу тебя, Винсент. Искренне и всей душой.

— Отлично, — я направился к двери, не оборачиваясь. — Ненависть — это прекрасное топливо для работы. У тебя три минуты, Иза. Время пошло.

Я вышел в коридор и прислонился к стене, тяжело выдохнув. Сердце колотилось в ребра, как бешеное. Эта девчонка была ходячей катастрофой, и самое страшное было в том, что мне всё больше и больше хотелось оказаться в самом центре этого эпицентра.

Дорога до побережья прошла в тяжёлом, вязком молчании. Изабелла демонстративно отвернулась к окну, а я чувствовал, как от неё исходят волны чистого, концентрированного бешенства. Я заставил себя смотреть на дорогу, сжимая руль до хруста в суставах.

Вилла на утесе встретила нас рёвом океана и суетой рабочих. Ветер здесь был колючим, пропитанным солью и запахом свежего бетона. Как только мы вышли из машины, Изабелла преобразилась. В ней включился профессионал — холодный, дотошный и чертовски упрямый.

Она не шла, она летела по строительным лесам, игнорируя мои попытки придержать её за локоть на узких пролётах.

— Здесь, в главной гостиной, я не хочу видеть этот ваш «монолит», Дин, — она ткнула пальцем в чертёж, перекрикивая шум бетономешалки. — Стены должны «дышать». Я закажу панели из необработанного светлого дуба. Это создаст нужный контраст с холодным морем.

— Никакого мягкого дерева, Изабелла, — я встал рядом, почти вплотную, перекрывая ей обзор. — Это не загородный домик для отпуска. Это крепость. Стены должны быть из полированного темного бетона. Массивность, сила, глубина. Мне не нужен уют, мне нужна дистанция.

— Дистанция? — она резко повернулась, и кончик её носа едва не задел мою щеку. В её глазах плясали искры. — Ты и так ходячая дистанция, Дин! Ты хочешь жить в склепе? Пожалуйста, но тогда не называй это дизайном. Это архитектура отчуждения.

— Ты будешь делать то, что требует заказчик, — я понизил голос до того самого рокота, который обычно заставлял моих людей бледнеть. — И если я говорю «бетон», значит, ты ищешь лучший бетон в штате.

— Заказчик платит за мой вкус, — она не отступила ни на дюйм. Её лицо было испачкано строительной пылью, но это лишь делало её взгляд ещё ярче. — А если тебе нужен просто исполнитель, который будет красить стены в цвет твоей души, то есть в чёрный, найми маляра за десять баксов в час.

Мы стояли в центре пустой залы, окружённые голыми колоннами, и искры между нами были ощутимее, чем разряды от сварочного аппарата в углу. Я чувствовал запах её кожи, теперь к нему примешались нотки цемента и морской соли, но этот чертов мускус всё равно доминировал, забиваясь мне в легкие.

В какой-то момент она слишком резко развернулась, чтобы показать на проём окна, и её нога скользнула по россыпи щебня. Я среагировал быстрее, чем она успела вскрикнуть — перехватил за талию, рывком притягивая к себе. Изабелла врезалась в мою грудь, и на секунду всё вокруг затихло. Только её бешеное сердцебиение, которое я чувствовал через свою ладонь, и шум волн где-то далеко внизу.

Я смотрел на её губы — искусанные, сухие. В голове пронеслась шальная мысль: сломать этот её дурацкий барьер прямо здесь. Просто наклониться и заставить её замолчать самым очевидным способом.

Она замерла, глядя на меня широко раскрытыми глазами. В них не было страха. Только тот самый вызов, который я встретил утром в её квартире.

— Ты... — выдохнула она, и её пальцы непроизвольно сжали мои предплечья. — Ты делаешь это специально.

— Что именно? — я не выпускал её, чувствуя, как под моей ладонью горит её кожа.

— Нарушаешь мои границы. Везде. В моей квартире, на моей работе, в моей голове. Тебе мало того, что ты владеешь моими долгами? Тебе нужно владеть моим воздухом?

— Я просто не даю тебе упасть, Рыжая, — я медленно разжал руки, чувствуя странную пустоту в пальцах. — И в прямом, и в переносном смысле.

Она отпрянула, поправляя сумку на плече. Лицо её стало непроницаемым.

— Я справлюсь сама. Урок гравитации окончен.

Весь остаток дня мы общались короткими, рублеными фразами. К шести вечера напряжение достигло своего пика. Изабелла была вымотана, но её упрямство горело ярче вечернего солнца.

— Я уезжаю, — заявила она, сворачивая чертежи. — И не смей ехать за мной. Я хочу провести этот вечер так, будто тебя никогда не существовало.

— Осторожнее, принцесса, — я прислонился к дверному проёму машины, глядя, как водитель аводит мотор. — Свобода — штука хрупкая. Особенно когда ты так отчаянно пытаешься её доказать.

— Моя свобода не касается твоих контрактов, Дин Винсент. Увидимся завтра. Если я сочту нужным прийти.

Машина рванула с места, обдав меня гравием и пылью. Я смотрел вслед, пока красные огни не скрылись за поворотом. Внутри меня всё кипело. Я знал, что это её «я хочу провести вечер сама» – не к добру. Она была слишком взвинчена, слишком зла.

Мне нужно было занять руки и выкинуть из мыслей её запах. Я поехал в «L'ombra del Mare».

Я стоял за стойкой бара Микеле и чувствовал, как чужая территория становится моей. Не потому, что я этого хотел. Просто вакуум власти – опасная штука: если его не заполню я, сюда придут те, кто считает, что можно забрать всё, что плохо лежит. Бар пах так же, как всегда: лаймом, алкоголем, жареным мясом и потом туристов. Но в этом коктейле не хватало главного ингредиента – Микеле. Его громкого хохота, сальных шуточек и вечного: «Малышка, иди сюда!».

Над стойкой висели лампы с тёплым светом, музыка лениво обволакивала зал. Люди пили и смеялись, даже не подозревая, что под их ногами есть подвал, где решаются вопросы, о которых не пишут в утренних газетах. Я методично протираю стакан, слушая гул толпы. Обычный вечер. Никаких имен, никаких угроз.

До тех пор, пока не вошёл он.

Высокий, уверенный, с лицом, которое слишком часто мелькало в спортивных новостях. Слишком белые зубы, слишком легкая походка человека, которому всю жизнь уступали дорогу. Он сел на высокий стул у стойки и бросил на меня взгляд как на деталь интерьера.

— Двойной виски, — бросил он, не спрашивая, что у нас в наличии. — И побыстрее.

Я налил ему, не произнося ни слова. Пусть считает меня мебелью. Это всегда помогает услышать то, что люди скрывают. Он отпил и удовлетворенно хмыкнул, явно довольный собой.

— Слушай, брат, — начал он, наклоняясь вперед. — Тут у вас тихо. Приятно. И девчонки симпатичные.

«Брат». Это слово в его устах прозвучало как дешевая подделка.

— Рад за тебя, — ответил я сухо. Он не заметил холода. Такие, как он, вообще редко замечают что-то, кроме собственного отражения.

— У меня тут свидание, — продолжал он. — Девчонка... ммм. Умная, красивая. Немного заносчивая, но это даже заводит. Сейчас у неё стресс, понимаешь? А такие в стрессе становятся куда поговорчивее.

Я не шевельнулся, но пальцы на полотенце сжались крепче.

— Ты с ней знаком? — спросил он, прищурившись.

— Я со всеми тут знаком.

Он хохотнул, опрокидывая виски.

— Я её через общих нашел. Сказали: «Она правильная, не дешевая». А мне как раз интересно. Дешевые надоели. Хочу, чтобы сопротивлялась. Чтобы сначала: «Нет, нет», а потом сама на коленях. Понимаешь? Думаю, в туалете этого заведения достаточно места, чтобы она показала, на что способны эти её пухлые губки.

Он говорил это так легко, будто обсуждал меню ланча. У меня внутри что-то шелкнуло – как затвор винтовки. Но лицо осталось каменным.

— Ну... туалет же есть? Здесь, говорят, удобно. Быстро. Никто не мешает.

Я наклонился к нему ровно настолько, чтобы он почувствовал не угрозу, а давление.

— Туалет есть, — сказал я тихо. — Только не советую.

Он прыснул со смеху:

— Ты что, охранник морали? Расслабься. Она взрослая девочка.

— И как её зовут? — спросил я.

Он самодовольно улыбнулся:

— Изабелла.

Воздух в баре мгновенно изменился. Я услышал, как где-то далеко волна с грохотом ударила о пирс. Или это кровь ударила в виски? Я поставил стакан на стойку чуть жестче, чем следовало. Он не заметил. Он продолжал выкладывать свою грязь на барную стойку, как карту наступления.

Я хотел ответить, что эта «девочка» может сломать ему жизнь одним взглядом, но дверь открылась. Хотел перегнуться через стойку и размозжить его холеный нос о край мрамора, но дверь открылась.

Изабелла.

Она вошла, свет ламп лег на неё, как на сцену. и мир вокруг этого ублюдка мгновенно изменился. Он выпрямился, стер с лица мерзкую ухмылку и надел маску «очаровательного джентльмена». Бар будто замер на долю секунды.

Тёмное шелковое платье на тонких лямках – то самое, которое я запретил. Оно подчеркивало каждый изгиб, превращая её в живой вызов. Рыжие волосы распущены, помада ярче обычного. Она увидела меня за стойкой и на секунду застыла. Удивление. Потом – маска ледяного безразличия. И она пошла к нему. К этому ничтожеству.

Я наблюдал, как она садится рядом, как он расплывается в улыбке и тянет к ней руку. Слишком уверенно. Она что-то ответила, коротко, и он засмеялся. Она не смотрела на меня. Ни разу. Хорошо. Пусть думает, что это её маленькая победа. Я тоже умею ждать.

— Изабелла! Ты выглядишь просто божественно, — его голос стал бархатным, в нем не осталось и следа от той грязи, что он изливал минуту назад. — Я уже начал беспокоиться.

— Не стоило, — ответила она сухо.

— Позволь, я закажу тебе что-нибудь особенное? — он был само очарование, галантность в чистом виде.

Он наклонился к её щеке слишком близко. Я видел, как её плечи напряглись. Она улыбнулась – вежливо, но это была улыбка ножа. Он заказал еще, начал говорить громче, бравировая контрактами и славой. Изабелла слушала, кивая, держа дистанцию. Пока он не решил, что дистанция – это приглашение. Маска джентльмена начала сползать вместе с градусом алкоголя. Он стал громче. Стал наглее.

— Знаешь, Иза, — он придвинулся к ней, его рука легла на край её стула, почти касаясь волос. — Все эти твои проекты, чертежи... это скучно. Тебе нужен мужчина, который покажет тебе настоящую жизнь. Который возьмет тебя за загривок и вытащит из этого скучного мира.

Его ладонь медленно, уверенно легла ей на бедро. Я видел, как пальцы сжали тонкий шелк.

— Ты ведь хочешь этого, сладкая? — прошептал он ей в ухо, уже не скрываясь. — Я вижу, как ты натянута. Тебе нужно расслабиться. Мы можем уйти прямо сейчас. У меня в машине есть всё, чтобы ты забыла своё имя до утра. Можем начать прямо здесь, в кабинке. Я люблю, когда девчонки вроде тебя начинают с мольбы, а заканчивают стонами.

Изабелла застыла. Я видел, как она пытается убрать его руку, но он лишь сжал её сильнее, наклоняясь к её шее.

— Убери руку, — её голос дрожал от сдерживаемого гнева. — Да ладно тебе, — он хмыкнул, его глаза блестели от похоти. — Ты же сама надела это платье. Оно буквально кричит о том, чтобы его содрали.

Я не помню, как оказался рядом. Просто пространство между нами схлопнулось. Моя рука стальным обручем сомкнулась на его запястье, сдавливая кости.

— Она сказала: «убери руку», — произнес я тихо. В баре будто выключили звук. Футболист поднял голову, его лицо перекошилось от боли и ярости.

— Ты кто такой вообще?!

— Тот, кто сейчас просит вежливо.

Он попытался выдернуть руку, но я не шелохнулся.

— Слышь, бармен, — он прищурился. — Я тебе чаевых дам. Иди стаканы протирай.

Я наклонился ближе:

— Если она сказала «нет» — это значит «нет». Твои грязные фантазии — это последнее, что ты произнес в этом баре.

— Что?! — он попытался дернуться, но я прижал его руку к стойке.

— Пойдем. У нас есть пара минут, пока ты еще можешь ходить.

— Я никуда с тобой не пойду! Ты вообще...

Я приблизил лицо к его уху и прошептал так, чтобы слышал только он:

— Пойдешь. Или я сломаю тебе руку прямо здесь, на глазах у всех. И поверь, никто не поможет.

В его глазах наконец мелькнул страх. Власть — это не когда тебя любят. Это когда понимают: сейчас будет больно, и это неизбежно. Я отпустил его и кивнул на дверь в служебный коридор.

— Две минуты. Иди.

Я кивнул в сторону подсобки. Изабелла смотрела на меня широко раскрытыми глазами, в которых плескалась ярость и что-то похожее на шок.

— Дин! — выкрикнула она.

— Сиди. Пей свой сок, — отрезал я, не оборачиваясь. — Я просто объясню гостю правила этикета.

Я развернулся и пошел в коридор. Подвал встретил нас влажным холодом. Здесь всегда пахло правдой. Футболист стоял у стены, пытаясь вернуть наглость, но пальцы выдавали его — они дрожали.

— Ну давай, — начал он. — Сколько тебе надо? Десять? Двадцать? Я дам, и забудем.

Я подошел ближе.

— Ты сказал, что хочешь трахнуть её в туалете.

— Это разговоры! Все мужики так треплются!

— Ты трогал её, — продолжал я.

— Она пришла на свидание! Какие проблемы? Она выросл...

Я ударил. Коротко, ладонью по лицу. Так, чтобы не убить, но чтобы все шестеренки в его голове встали на место. Он охнул, хватаясь за щеку.

— Слушай внимательно, — сказал я тихо. — Здесь есть люди, которых трогать нельзя. Даже если ты думаешь, что купил весь мир.

— Она ничья! — прошипел он. — Она сама пришла...

Я впечатал его в стену, приблизив лицо так, что он почувствовал моё дыхание.

— Ошибка. Она моя.

Слова вырвались сами собой. И я понял, что это уже не часть плана. Это истина. Он замер, глаза расширились.

— Твоя? Ты серьезно? Тогда почему она...

Я отпустил его так резко, что он чуть не упал.

— Потому что она ещё не поняла, — отрезал я. — А ты сейчас поймешь. Завтра у тебя матч? Улыбнешься камерам и забудешь её имя навсегда. Если хоть слово о ней выйдет из твоего рта, ты закончишь карьеру с переломом, который назовут «несчастливым случаем».

— Ты псих... — прохрипел он.

— Да, — согласился я, и моя улыбка была холоднее, чем смерть. — И этот псих сейчас решает: сломать тебе челюсть сразу или дать тебе шанс убежать так быстро, чтобы пятки сверкали. У тебя пять секунд, пока я не передумал.

Он не стал ждать пятой секунды. Как только я разжал пальцы, он пулей вылетел в коридор, едва не сбив Изабеллу, которая стояла у двери.

Я вышел следом, поправляя манжеты. Она стояла в тени, скрестив руки на груди. Её помада была ярким пятном на бледном лице.

— Ты доволен? — спросила она. Голос звенел от напряжения.

— Вполне.

— Ты унизил его!

— Он собирался унижить тебя в первой же кабинке, Изабелла. Извини, что я испортил твой вечерний досуг с животным.

Она шагнула ко мне, её аромат мускуса ударил в голову, смешиваясь с моим ладаном.

— Ты не имеешь права решать за меня! Я сама могла бы...

— Нет, не могла бы, — я перебил её, сокращая дистанцию до миллиметра. — У него вес сто килограммов и мозги в ширинке. Ты для него — кусок мяса. А я не люблю, когда трогают то, на чем стоит моё клеймо.

— Какое к черту «клеймо»?

— После сегодняшнего твои акции упали, Рыжая.

— Я уйду.

— Изабелла. — Мой голос заставил её замереть. — Сегодня ты поедешь со мной. И это не обсуждается.

— С какой стати?!

— Потому что завтра на моей территории появятся люди, которым плевать на твои планы. И я не собираюсь искать тебя по всему побережью, если кто-то решит забрать тебя себе как трофей.

— Что ты несешь?

— Я несу твою безопасность, Рыжая, — сказал я. — Это не просьба. Это вопрос твоей безопасности. Если ты думаешь, что он единственный урод в этом городе, ты глубоко ошибаешься. Поехали.

Изабелла смотрела на меня с такой ненавистью, что я почти почувствовал вкус её злости. Но она не двинулась с места. Она просто сжала сумку, и в этой тишине я понял: она сдалась. На сегодня.

— Изабелла, — позвал я тише, и в моем голосе против воли прорезалось что-то, кроме льда. Она вскинула голову, — Поехали.

И мы вышли из бара, оставляя за спиной запахи лайма, крови и её разбитых иллюзий о свободе.

Глава 13. Изабелла .

Двигатель его машины рычал, разрезая ночную тишину. После бара я чувствовала себя выпотрошенной, но внутри всё равно тлел уголек сопротивления. Я была уверена, что как только мы доедем до моего подъезда, я захлопну перед его носом дверь и это безумие закончится.

— Приехали, — бросил Дин, затормозив у моего дома.

Я выскочила из машины раньше, чем он успел заглушить мотор. Холодный ночной воздух немного привел меня в чувство.

— Я сама дойду, Винсент. Твоя миссия спасителя на сегодня окончена.

Дин вышел из машины. Он не спорил, не преграждал дорогу. Он просто шел следом, чеканя шаг по асфальту.

— Я поднимусь. Проверю периметр.

— Мой «периметр» — это старая консьержка и три замка, — огрызнулась я, нажимая кнопку лифта. — Уходи. Ты и так сегодня сделал слишком много «добрых дел».

Но он не ушел. Мы поднялись на мой этаж в звенящей тишине. Я уже вытащила ключи, готовясь к финалу этого вечера, но замерла. Моя дверь была приоткрыта. Всего на пару сантиметров. Темная щель в дверном проеме казалась пастью зверя.

Сердце пропустило удар. Дин мгновенно среагировал: он бесшумно отодвинул меня себе за спину. В его руке, откуда ни возмись, появился пистолет.

— Стой здесь, — шепнул он. Голос был холодным, но в нем прозвучала странная нота — как будто он сам не ожидал увидеть это.

Он вошел первым. Я слышала его тяжелые шаги.

— Чисто, — крикнул он через несколько секунд.

Я вбежала в квартиру и застыла. Мой маленький мир был растерзан. Шкафы выпотрошены, одежда разбросана, мои эскизы — работа нескольких месяцев, валялись на полу, изорванные в клочья.

— О боже... — я закрыла рот рукой, чувствуя, как по щекам катятся слезы. — Мои чертежи... Они всё испортили.

Дин стоял посреди комнаты, осматривая хаос. Его челюсть была сжата так, что желваки ходили ходуном. Он выглядел... разъяренным. По-настоящему.

— Какого... — прорычал он, подходя к перевернутому столу. — Кто, черт возьми, посмел сюда сунуться?

Он обернулся ко мне, и в его взгляде была не холодная сталь, а что-то похожее на искреннее возмущение.

— Изабелла, я не знаю, кто это сделал, но я найду этих уродов. Обещаю. Мы найдем их и заставим платить за каждый твой эскиз.

— Микеле... это его долги? — я всхлипнула, глядя на пустую шкатулку на полу.

— Я разберусь, — он подошел и твердо положил руки мне на плечи. — Всё нормально. Сейчас мы уходим. Ты не останешься здесь ни на минуту. Собирай самое необходимое. Я вызову своих людей, они всё приберут и поставят охрану, но тебе здесь быть нельзя. Поняла?

Я кивнула, не в силах спорить. В этот момент он казался единственной силой, способной остановить этот кошмар.

Машина сорвалась с места, вгрызаясь в ночную трассу. Я сидела, вжавшись в кресло, и сжимала в руках сумку с остатками вещей. Паника постепенно сменялась осознанием того, что мы едем совсем не туда.

— Дин... — я повернулась к нему. — Куда ты меня везешь? Это не дорога к центру.

— Ко мне, — коротко ответил он, не отрывая взгляда от трассы.

— Нет. Нет! — я дернула ручку двери. Заблокировано. — Ты не отвезешь меня к себе!

— Изабелла, заткнись и сядь прямо! — он рывкнул так, что я подпрыгнула на месте. — Ты видела свою квартиру? Ты хочешь завтра проснуться с ножом у горла?

— Я сниму номер в отеле! Я уеду к подруге! — я почти кричала, перекрывая гул мотора. — Ты не имеешь права решать за меня! Кто ты такой? Мой хозяин?

— Я тот, кто не хочет выскребать твои мозги с асфальта! — он резко вывернул руль, входя в поворот на бешеной скорости. — У меня периметр под охраной, у меня датчики и люди с пушками. В любом отеле тебя достанут за пять минут. У тебя есть мозг в этой рыжей голове?

— У меня есть гордость, Винсент! — я ударила кулаком по панели. — Ты просто пользуешься моментом! Тебе удобно держать меня под боком, как домашнюю зверушку! Ты сам ничем не лучше тех, кто вскрыл мою дверь!

— Огрызайся сколько влезет, — прошипел он, сжимая руль до хруста в суставах. — Можешь ненавидеть меня, можешь швырять в меня посуду, но ты будешь сидеть за моими стенами, пока я не найду тех, кто это сделал. Я не позволю им тронуть тебя, понятно?!

Он ударил по тормозам перед огромными воротами своего особняка. Мы оба тяжело дышали, глядя друг на друга в полумраке салона. Его глаза горели каким-то диким, защитным огнем.

— Пошел ты, — выдохнула я, отворачиваясь.

Тяжелые кованые ворота особняка закрылись за нами с глухим, окончательным лязгом, который отозвался дрожью где-то в районе моего позвоночника. Мы медленно ехали по длинной подъездной аллее, освещенной тусклыми напольными фонарями. Огромные столетние дубы по бокам дороги казались в темноте молчаливыми стражами, охраняющими покой своего господина. Особняк Дина возник из ночного тумана как бетонный монолит — холодный, величественный и пугающе безупречный. Никаких лишних деталей, только стекло, камень и абсолютная власть.

— Выходи, — бросил Дин, заглушив мотор.

Я сидела неподвижно, вцепившись в ремешок сумки. В голове всё еще стоял образ моей разгромленной квартиры: изорванные чертежи, перевернутая мебель и это мерзкое ощущение, что в моем белье копались чужие грязные руки.

— Я сказала, что не останусь здесь, — мой голос прозвучал тише, чем хотелось бы. — Твое мнение перестало иметь значение в ту секунду, когда я увидел вскрытый замок в твоём доме, — он вышел из машины и рывком открыл мою дверь. — Либо ты идешь сама, либо я перекину тебя через плечо. Выбирай.

Я вылетела из салона, едва не задев его плечом.

— Ты просто тиран, Винсент! Тебе доставляет удовольствие видеть меня в таком состоянии?

— Мне доставляет удовольствие знать, что завтра мне не придется опознавать твой труп, — он схватил меня за локоть и потащил к массивному входу.

Внутри дом казался еще более огромным и пустым. Полированный мрамор пола отражал свет люстр, как черное зеркало. Воздух здесь был другим — стерильным, неподвижным, пропитанным его ароматом. Как только дверь за нами захлопнулась, я сорвалась.

— Зачем всё это, Дин? — я почти кричала, стоя посреди его необъятного холла. — Почему ты так злишься?

Дин резко развернулся. Его лицо было бледным, глаза горели темным, недобрым огнем.

— Потому что это вызов мне, Изабелла! — он шагнул ко мне, заставляя отступить к высокой колонне. — Вскрыть квартиру человека, который находится под моим присмотром — это плевок в лицо всей Семье. Я найду этих уродов. Клянусь, я заставлю их жрать тот бетон,

из которого построена твоя вилла. Никто не смеет трогать то, что принадлежит... то, за что я поручился.

Он прижал меня к колонне, упираясь руками в дерево по обе стороны от моей головы. Напряжение между нами стало почти физическим, оно искрило, как оборванный провод под напряжением. Я чувствовала жар, исходящий от его тела, видела, как тяжело вздымается его грудь под тонкой тканью рубашки.

— Ты дрожишь, Рыжая, — его голос понизился до опасного, вибрирующего шепота. — Боишься меня? Или того, что тебе здесь нравится больше, чем ты готова признать?

— Я ненавижу тебя, — выдохнула я, хотя мое сердце колотилось в горле так, что мешало дышать. — Я ненавижу твой контроль, твои стены и твой чертов запах, который теперь повсюду.

— Ложь, — он наклонился ниже, почти касаясь своими губами моих. — Ты боишься того, что только здесь ты чувствуешь себя в безопасности. Только рядом с чудовищем тебе не страшно.

Его взгляд скользнул к моим губам, и на секунду мне показалось, что он сейчас сорвется. Мои пальцы впились в его предплечья, но я не знала, хочу ли я его оттолкнуть или притянуть ближе. Тишина дома давила на уши, прерываемая лишь нашим рваным дыханием. Дин резко отстранился, будто его ударило током. Он провел рукой по волосам, восстанавливая свою непроницаемую маску.

— Вторая дверь направо на втором этаже. Там есть всё. Ванная, одежда, еда. Не выходи из комнаты. Здесь повсюду датчики движения. Если не хочешь, чтобы охрана скрутила тебя в коридоре — спи.

Я смотрела, как он уходит вглубь своего темного королевства, и чувствовала себя птицей, которой только что подрезали крылья.

Утро в особняке Дина пахло не страхом, а свежесваренным кофе и той самой пугающей чистотой, которая бывает только в домах людей, привыкших контролировать каждый сантиметр своего пространства.

Я открыла глаза и не сразу поняла, где нахожусь. Потолок был слишком высоким, простыни слишком шелковыми, а тишина слишком глубокой. Но взгляд упал на кресло у кровати, и сердце пропустило удар. Там стоял мой чемодан. Мои вещи, аккуратно сложенные, будто их не вышвыривали вчера из шкафов грязные руки налетчиков. Эта мелкая деталь — то, что он подумал о моей одежде, о моем комфорте — уколола меня сильнее, чем его вчерашняя грубость.

Я быстро переоделась в свои любимые джинсы и кашемировый джемпер цвета топленого молока. Это была моя броня. Мой способ напомнить себе, что я всё еще Изабелла, а не пленница в замке чудовища.

Спустившись на первый этаж, я пошла на звук приглушенных голосов и нашла Дина на террасе, выходящей в сад. Он сидел за накрытым столом, просматривая что-то в планшете. Белая рубашка с закатанными рукавами, расстегнутый ворот, на лице — легкая утренняя небридность. Он выглядел... почти по-человечески. Почти красиво.

— Доброе утро, — бросил он, не поднимая глаз, но по тому, как напряглись его плечи, я поняла — он почувствовал мой приход еще до того, как я вошла. — Садись. Завтрак скоро остынет.

Я села напротив, стараясь сохранять дистанцию. На столе была идеальная яичница, авокадо, свежий хлеб и кофе. Настоящий завтрак, а не перекус на бегу.

— Откуда у тебя мои вещи? — я кивнула в сторону спальни.

— Мои люди привезли их ночью. Я не хотел, чтобы ты проснулась и первым делом вспомнила о том, что твоя квартира пуста, — он наконец поднял взгляд.

В утреннем свете его глаза казались прозрачнее, а шторм внутри них – спокойнее. — Спасибо, — выдавила я, и это слово далось мне с трудом. — Но это не меняет того факта, что ты привез меня сюда силой.

Дин отложил планшет и медленно наклонился вперед, опираясь локтями о стол.

— Я привез тебя сюда, потому что Микеле – кретин.

— Не смей... — начала я, но он перебил меня одним жестом.

— Послушай меня внимательно, Изабелла. Весь город думает, что ты его подстилка. Что ты была его удобным аксессуаром, который он подкладывал под нужных людей ради скидки на поставки алкоголя.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица.

— Это ложь. Мы были друзьями. Лучшими друзьями. Он никогда бы...

— Для них это не важно, — отрезал Дин. Голос его стал жестким, как гранит. — Важно то, что теперь «хозяин» сбежал, и «игрушка» осталась ничьей. Те, кто вскрыл твою дверь, не искали золото. Они искали тебя, чтобы проверить, подниму ли я за тебя голос. И если бы я не забрал тебя к себе, ты бы уже была в чьем-то подвале.

Я задрожала, несмотря на теплый джемпер. Дин заметил это. Он встал, обошел стол и остановился прямо за моей спиной. Его руки легли на мои плечи – тяжелые, теплые, властные. От него пахло свежестью и тем самым Sancti.

— Ешь, Изабелла. Тебе нужны силы. Вечером мы выходим в свет.

Я резко обернулась, едва не задев его подбородком. Мы оказались слишком близко. Я видела каждую золотистую искорку в его зрачках, чувствовала жар, исходящий от его кожи.

— В свет? Куда? Опять на склад?

— Нет, — Дин чуть прищурился, и на его губах появилась тень усмешки. — В мой клуб. «Obsidian». Сегодня «Черный четверг».

Я нахмурилась, пытаюсь осознать услышанное.

— У тебя есть клуб? И что это за «Черный четверг»? Звучит как название распродажи.

Дин негромко рассмеялся – это был глубокий, вибрирующий звук, от которого по моей коже пробежали мурашки.

— Для кого-то это и есть распродажа. Это вечер в моем заведении, когда собираются все «уважаемые» люди побережья. Нейтральная территория. Вечер, когда никто не достает пушки, но все решают, кто будет жить завтра.

— И зачем мне там быть? — я попыталась встать, но его руки на моих плечах не дали мне этого сделать.

— Чтобы все увидели, что ты — под моей защитой, — он наклонился к моему уху, его дыхание опалило кожу. — Ты выйдешь туда под моей рукой. Ты будешь выглядеть так, что ни у кого не возникнет мысли назвать тебя «девкой Микеле». Ты должна стать моей публичной ответственностью.

Я замерла, глядя на его губы, которые были в паре сантиметров от моих. В голове билась только одна мысль: он чудовище, манипулятор и тиран. Но почему тогда мне так хочется, чтобы он не убирал руки?

— А если я откажусь? — прошептала я.

— Ты не откажешься, Рыжая, — он медленно провел большим пальцем по моей скуле, задерживаясь у нижней губы. Это был неловкий, интимный момент, от которого у меня перехватило дыхание. — Потому что ты умная девочка. И ты знаешь, что это единственный способ вернуть себе имя.

Дин отстранился так же внезапно, как и прижал меня, возвращаясь к своему образу непроницаемого лидера.

— Заканчивай завтрак. Днем поедem на объект — работа не ждет. А вечером... вечером ты увидишь мой мир во всей красе.

Я смотрела, как он уходит, и понимала – я ненавижу его правила. Но еще больше я боялась того, что начинаю привыкать к его защите.

На объекте стоял оглушительный шум: ревели бетономешалки, визжали пилы, а соленый ветер с океана швырял в лицо мелкую цементную пыль. Я шла по недостроенной террасе второго этажа, чувствуя, как внутри всё закипает. Дин следовал за мной тенью, и его молчаливое присутствие давило сильнее, чем бетонные своды над головой.

Я резко остановилась у края, где еще не было перил, и развернулась к нему.

— Всё, хватит! — выкрикнула я, перекрывая гул стройки. — Я больше не сделаю ни одного замера, пока ты не ответишь на мои вопросы.

Дин остановился в паре метров. На нем была простая черная футболка, облегающая плечи, и рабочие брюки, но даже в этой одежде он выглядел так, будто владел всем этим побережьем. Он медленно снял солнцезащитные очки, и его штормовые глаза пригвоздили меня к месту.

— Работа не ждет, Изабелла. У тебя есть проект, у меня — сроки.

— К черту сроки! — я шагнула к нему, задыхаясь от возмущения. — Кто ты такой на самом деле? Откуда у тебя эти миллионы? Откуда этот дом, клуб, армия охраны? Обычные бизнесмены не закрывают долги картелей из собственного кармана и не вырывают людей из рук вооруженных психопатов!

Дин усмехнулся – холодно, краем губ.

— Тебе действительно так важно знать происхождение моих денег? Или ты просто ищешь повод, чтобы оправдать свой страх?

— Я ищу способ понять, почему я не могу просто пойти в полицию и заявить об ограблении и шантаже! — я почти кричала, подходя к нему вплотную. — Почему я должна сидеть в твоём доме и ждать «Черного четверга» как приговора?

Он среагировал мгновенно. Слишком быстро для обычного человека. Его рука перехватила мой локоть, и в следующую секунду я оказалась прижата спиной к холодной, шершавой бетонной колонне. Дин навис над моим лицом, отрезая путь к бегству.

— Полиция? — прошептал он прямо мне в губы, и от вибрации его голоса по моему телу прошла судорога. — Ты думаешь, те, кто вспорол твои подушки, боятся парней в форме? Для них закон – это я. Для них твоя жизнь стоит ровно столько, сколько я готов за нее заплатить.

Я попыталась оттолкнуть его, уперевшись ладонями в его твердую грудь, но он даже не шелохнулся. Сердце под моей ладонью билось мощно и ровно.

— Почему я, Дин? — мой голос сорвался. — В этом городе тысячи женщин. Почему ты так вцепился в «подружку» беглого неудачника? Зачем тебе эта головная боль?

Его взгляд стал невыносимо темным. Он перехватил мои ладони и прижал их к колонне над моей головой, заставляя меня выгнуться навстречу ему. Напряжение между нами стало таким плотным, что казалось, коснись нас кто-то и полетят искры.

— Потому что ты не просто «подружка», Изабелла, — он наклонился ниже, касаясь своим носом моего. — Потому что ты единственная в этом фальшивом городе, кто не пытается мне продаться. Ты злишься, ты огрызаешься, ты смотришь на меня как на чудовище... и это заводит меня больше, чем любая покорность.

Я видела, как его зрачки расширились, поглощая радужку. Мое дыхание стало рваным, и всё, чего я хотела в эту секунду – это чтобы он перестал говорить. Чтобы он наконец сделал то, к чему всё вело. Дин скользнул взглядом к моим губам, и я невольно приоткрыла их, ожидая удара. Или поцелуя. Но он лишь провел большим пальцем по моей скуле, стирая след от строительной пыли.

— Ты под моей защитой не потому, что ты мне должна, — выдохнул он. — А потому, что я так решил. И пока ты спишь в моем доме, ни один ублюдок не посмеет даже подумать, что тебя можно обидеть.

Он резко отпустил мои руки и отступил на шаг, возвращая себе маску ледяного спокойствия.

— Заканчивай с чертежами гостиной. Через час едем обратно. Тебе нужно время, чтобы подготовиться к вечеру.

Я стояла, прислонившись к бетону, и пыталась унять дрожь в коленях. Он был невыносим. Он был опасен. Но в этой опасности было что-то, что заставляло мой пульс биться в унисон с его шагами.

— Изабелла, — он остановился у выхода на лестницу и обернулся. — Сегодня в клубе надень то платье, которое лежит на кровати. И не спорь. В этом мире одежда — это тоже оружие.

Я смотрела ему вслед, чувствуя, как ненависть медленно смешивается с чем-то густым, сладким и совершенно недопустимым. Я знала, что вечер в «Obsidian» станет точкой невозврата. Но я уже не была уверена, что хочу возвращаться.

Глава 14 . Дин.

Черный шелк галстука скользил сквозь пальцы, напоминая удавку. Я затягивал его перед зеркалом, глядя на свое отражение, но видел только рыжее пламя волос и чертову бетонную колонну, к которой прижимал её несколько часов назад.

В доме стояла гулкая, давящая тишина, прерываемая лишь шорохом её шагов на втором этаже. Я вспомнил, как на объекте её грудь тяжело вздымалась под тонкой тканью, когда я впечатал её в бетон. В тот момент мне было плевать на сроки, на рабочих внизу и на чертову чертежи. Я хотел только одного – запустить руку ей под одежду, почувствовать, как она содрогнется, и вытряхнуть из неё это глупое упрямство прямо там, на виду у всего побережья. Запах её страха вперемешку с её мускусным парфюмом бил в голову сильнее чистого спирта. Я выбрал для неё платье сам. Черный шелк, который должен облегать её бедра так, чтобы у каждого в зале встал член от одного взгляда на неё. Я хочу, чтобы они истекали слюной, глядя на мою женщину, и при этом до смерти боялись даже моргнуть в её сторону.

Прошло уже полчаса. Моё терпение лопнуло. Я вышел из гардеробной и тяжелым шагом направился к её двери.

— Изабелла, время вышло, — я не стал ждать ответа и просто толкнул дверь.

Она стояла перед ростовым зеркалом, извернувшись так, что лопатки выпирали под бледной кожей. Черное платье было расстегнуто на спине, обнажая глубокий вырез до самой поясницы. Она отчаянно пыталась поймать бегунок молнии, и её лицо покраснело от усилий и злости.

— Я не разрешала входить! — выкрикнула она, пытаясь прикрыть грудь руками, хотя платье и так держалось на честном слове. — Выйди вон, Винсент!

Я не шелохнулся. Мой взгляд упал ниже, туда, где шелк платья еще не успел сомкнуться на её бедрах. На фоне белоснежной кожи и черной ткани ярким, вызывающим пятном горели красные кружевные стринги. Тонкие ниточки врезались в её плоть, подчеркивая аппетитные изгибы. Внизу живота мгновенно скрутило тугим узлом. Черт возьми. Она надела красное под черное. Либо это была случайность, либо самая изощренная провокация в моей жизни. В голове вспыхнула картинка: я срываю этот шелк, впиваюсь зубами в её бедро прямо над этим кружевом и заставляю её кричать моё имя, пока она не забудет, как дышать.

— Повернись, — мой голос прозвучал как хриплый рокот.

— Что? Нет! Уходи! — она попыталась отшатнуться, но я уже был рядом.

Я обхватил её за талию, притягивая к себе спиной. Она была горячей, пахнувшей своим гребаным мускусом, и я почувствовал, как её мелко затрясло от моего прикосновения. Мои пальцы коснулись холодной молнии у самого края её белья. Я намеренно медлил, ведя костяшками пальцев по её позвоночнику, чувствуя каждый позвонок и каждую дрожь её тела.

— Ты выбрала красное, Рыжая? — прошептал я ей в самое ухо, обдавая горячим дыханием. — Хочешь, чтобы я сошел с ума еще до того, как мы доедем до клуба?

— Я надела первое, что попало под руку, — прошептала она, хотя я видел в зеркале, как её соски затвердели под тканью. — Застегивай уже и проваливай.

— Не лги мне. Ты знала, что я увижу. Ты хотела, чтобы я знал, что под этим строгим платьем спрятан вызов, — я медленно потянул молнию вверх. Шелк с тихим шорохом пополз по её коже, скрывая красное кружево и атласную спину.

Когда замок щелкнул у самого затылка, я не отпустил её. Я развернул её к себе.

— Послушай меня внимательно, — я взял её за подбородок, заставляя смотреть на меня. — Сегодня в «Obsidian» будут сотни глаз. И каждый из этих ублюдков будет гадать, что на тебе надето. Но знать об этом красном шелке буду только я. И если ты хоть на секунду позволишь

кому-то другому подойти ближе, чем на фут... я сниму с тебя это платье прямо там, при всех. Ты меня поняла?

— Ты больной, Дин, — она попыталась вырваться, но в её глазах, кроме ярости, я видел то самое темное желание, которое она так отчаянно пыталась подавить.

— Я предупредил.

Я отпустил её подбородок, чувствуя, как кончики пальцев всё еще покалывает от жара её кожи. Мой пульс выбивал рваный ритм в висках, но лицо оставалось непроницаемым – маска, которую я учился носить годами, сейчас была моим единственным спасением.

Изабелла не отвела взгляд. Напротив, она сделала полшага вперед, сокращая то минимальное пространство, которое я попытался создать между нами. В её карих глазах вспыхнул опасный, дразнящий огонек. Она поправила вырез платья на плече и склонила голову набок, разглядывая меня с той самой дерзкой усмешкой, от которой мне хотелось либо запереть её здесь навечно, либо сорвать с неё этот шелк прямо сейчас.

— Неужели наш ледяной Дин ревнует? — её голос прозвучал вкрадчиво, с легкой хрипотцой, которая полоснула меня по натянутым нервам. — Не знала, что твоя «защита» включает в себя инспекцию моего нижнего белья, Винсент. Тебе не кажется, что ты слишком сильно вживаешься в роль?

Я медленно поправил манжет рубашки, даже не дрогнув. Снаружи – абсолютный штиль. Внутри – извержение вулкана.

Ревную ? Нет, Рыжая . Это не ревность . Это первобытный голод . Это желание содрать с тебя это платье зубами , перекинуть через колено и выпороть за каждый этот издевательский вопрос , а потом заставить тебя стонать моё имя , пока ты не охрипнешь . Я представляю , как мои ладони ложатся на твои бедра прямо поверх этих красных ниточек , как я впираюсь в твою шею , оставляя метки , которые не скроет ни один тональный крем . Ты даже не представляешь , каких усилий мне стоит сейчас просто стоять и смотреть на твои губы , не пытаясь их заткнуть единственным действенным способом .

— Ревность — это слишком энергозатратное чувство, Изабелла, — ответил я ледяным тоном, глядя ей прямо в глаза. — Я просто не люблю, когда мои инвестиции ведут себя неосмотрительно. Ты сегодня – моё лицо. И я не намерен позволять какому-нибудь пьяному идиоту думать, что он может прикоснуться к тому, на чем стоит моё имя.

— Да ты просто парень, который слишком много о себе возомнил.

Я бросил короткий взгляд на часы, игнорируя её шпильку.

— Твоё упрямство забавляет меня, но время вышло. Машина ждет внизу уже десять минут.

Я развернулся к двери, чувствуя её взгляд на своей спине, он жег сильнее, чем пуля.

— Изабелла, — я остановился в дверном проеме, не оборачиваясь. — Накинь пальто. Ночь будет холодной.

Я вышел из комнаты, не дожидаясь ответа. Мне нужно было вдохнуть холодный воздух, пока я окончательно не потерял контроль над своими мыслями.

Красное кружево. Черт бы тебя побрал, Рыжая. Если ты думаешь, что этот вечер будет легким, то ты ошибаешься. Я спустился вниз, где меня уже ждал начальник охраны.

— Машина готова, сэр, — доложил он.

— Выезжаем, — бросил я. — И скажи ребятам в «Obsidian»: если кто-то из гостей позвонит себе лишнего в сторону моей спутницы – выводить сразу. И не слишком вежливо.

Я услышал стук её каблуков по мраморной лестнице. Пора было выходить в свет. И играть роль, которая с каждой минутой становилась для меня всё более реальной.

Глава 15. Изабелла.

Ночной город проносился за окном машины, размытыми неоновыми полосами. Я сидела, вжавшись в кожаное сиденье, и чувствовала каждую ниточку этого черного шелка на своей коже. Но еще острее я чувствовала то, что было под ним. Красное кружево. Тонкая полоска стрингов казалась раскаленной проволокой после того, как Дин посмотрел на них.

Он сидел рядом – воплощение холодного контроля. От него пахло этим его вечным ладаном и кипарисом, и этот запах заполнял всё пространство машины, не оставляя мне воздуха. Я всё еще чувствовала жар его ладоней на своей талии, когда он застегивал мне платье. Его слова эхом отдавались в голове, мешая дышать.

Когда машина затормозила у входа, я замерла. Я знала, что у Дина есть деньги, но «Obsidian»... это был не просто клуб. Это была крепость из черного стекла и бетона, возвышающаяся над побережьем. Огромная вывеска пульсировала холодным светом, а у входа стояла такая охрана, будто внутри прятали главу государства.

Дин вышел первым и открыл мою дверь. Он подал мне руку, и я, помедлив секунду, вложила свои пальцы в его широкую ладонь. Его хватка была властной, почти болезненной.

— Помни, что я сказал, — шепнул он, когда мы подошли к массивным дверям. Внутри «Obsidian» встретил нас не оглушительным басом, а густым, вибрирующим ритмом и полумраком, прореженным лазерами. Воздух был тяжелым от дорогих сигар и аромата власти. Здесь не танцевали подростки – за низкими столами сидели мужчины в костюмах, цена которых равнялась моей годовой зарплате, и женщины, похожие на холодные ювелирные украшения.

Как только мы вошли, по залу прошла волна. Разговоры стихали, головы поворачивались в нашу сторону. Я чувствовала на себе сотни взглядов. Липких. Оценивающих.

— Смотрите-ка, — донесся до меня шепот из ближайшей вип-ложи. — Та самая рыжая подружка Микеле. Говорят, он сбежал и оставил её Винсенту в счет долга.

Я споткнулась, но рука Дина на моей талии мгновенно сжалась, удерживая меня.

Он вел меня через зал как королеву, но я чувствовала себя как дичь, которую выставили на показ перед стаей волков. Микеле... мой лучший друг. Человек, которому я доверяла. Оказывается, для всего этого города я была лишь его аксессуаром. Удобной «подстилкой», которую можно передать по наследству. От этой мысли тошнота подступила к горлу.

— Дин! — грузный мужчина с седой щетиной поднялся из-за центрального стола. — Неужели ты решил почтить нас присутствием в «Черный четверг»? И не один.

Дин остановился. Его рука не покинула мою талию, наоборот – пальцы собственнически зарылись в складки шелка на моем бедре.

— Нужно было обозначить границы, Соломон, — голос Дина прозвучал как рокот приближающейся грозы.

— Стой здесь. У этой колонны, — шепнул он мне через секунду. — Мне нужно переговорить с ним. Это нейтральная территория, никто не посмеет достать пушку.

Он отошел всего на три метра, но без его тепла мне стало холодно. Я прижалась спиной к зеркальной колонне, стараясь не смотреть по сторонам. Но хищники всегда чувствуют одиночество.

— Скучаешь по Микеле, крошка? — голос был похож на шуршание песка.

Я вздрогнула и подняла глаза. Двое. Тип с коброй на шее и коренастый урод с золотым зубом. Они стояли слишком близко.

— Я жду Дина, — я попыталась вложить в голос всё то презрение, которому научилась у Винсента за это утро.

— Дина? — Золотой зуб осклабился. — Винсент поиграет и выбросит. Мы слышали, Микеле тебя неплохо натренировал перед тем, как свалить. Говорят, ты стоишь каждого цента своего долга.

Он шагнул в мое пространство, обдавая меня запахом коньяка. Его рука медленно поднялась и коснулась пряди моих волос.

— В «Черный четверг» бесхозное мясо становится общим ужином, — прошипел он, склоняясь к моему уху. — Пойдем в вип, Рыжая. Покажем тебе, что бывает, когда долги зашкаливают.

Он схватил меня за запястье и дернул на себя.

— Отпусти! — я рванулась, но он сжал пальцы до хруста. — Дин!

Вспышка. Грохот разбитого стекла. Я даже не поняла, как это произошло. В одну секунду Золотой зуб стоял передо мной, а в другую — он летел через зал, снося столик с коллекционным шампанским.

Дин стоял передо мной. Он не выглядел как человек. Он выглядел как карающая тень. Его глаза были абсолютно черными, а челюсть сжата так, что казалось, кости сейчас лопнут.

— Ты тронул её, — голос Дина был тихим, но его услышал каждый человек в «Obsidian». Музыка оборвалась. Тишина стала звенящей.

Змей отшатнулся, его рука дернулась к поясу, но он вовремя вспомнил правила «Черного четверга».

— Винсент, это просто девка Микеле! Она не помечена! Мы имели право...

Дин сделал шаг к нему, и Змей едва не упал. Винсент схватил мою руку, заставляя весь зал смотреть на нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.